

Джейн Остин

*ГОРДОСТЬ
и
ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ*

Джейн Остин
Гордость и предубеждение

«Автор»

2024

Остин Д.

Гордость и предубеждение / Д. Остин — «Автор», 2024

Первая же встреча потомственного аристократа мистера Дарси и Элизабет Беннет, своевольной барышни из семьи небогатого помещика, делает их непримиримыми противниками: она считает его высокомерным и тщеславным, а он равнодушен к ее красоте и живости ума. Роковое вмешательство мистера Дарси разрушает любовь его друга Бингли и ее сестры Джейн и, казалось бы, окончательно делает сближение главных героев невозможным. Однако острый ум и природная живость Элизабет неожиданно покоряют сердце Дарси. Он, вопреки сословным предубеждениям, делает ей предложение руки и сердца, которое она отвергает с негодованием. Последующие драматические события в несчастном семействе Беннет заставляют мистера Дарси действовать вопреки своей ложно понимаемой гордости, а Элизабет – преодолевать слишком поспешно возникшие предубеждения. Честность и уважение рождают большую любовь. Новый перевод романа «Гордость и Предубеждение» Джейн Остин бережно передает юмор, романтику и иронию этой трогательной комедии нравов.

© Остин Д., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	20
Глава 8	24
Глава 9	28
Глава 10	31
Глава 11	35
Глава 12	38
Глава 13	40
Глава 14	43
Глава 15	45
Глава 16	48
Глава 17	54
Глава 18	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Джейн Остин

Гордость и предубеждение

Глава 1

Истиной, не подвергающейся сомнению, является убеждение, что одинокий мужчина, обладающий определенным состоянием, должен находиться в постоянном поиске жены.

Как бы мало ни были известны истинные чувства и взгляды такого человека, с первого его появления где бы то ни было эта очевидная истина настолько прочно укореняется в умах окружающих семей, что он уже считается законной собственностью той или иной из их дочерей.

– Мой дорогой мистер Беннет, – в один прекрасный день обратилась к мужу миссис Беннет, – вы слышали, что Незерфилд-парк наконец сдан в аренду?

Мистер Беннет, как оказалось, был не в курсе.

– Но это именно так, – продолжила его жена. – Только что заходила миссис Лонг и сказала мне все в деталях.

Мистер Беннет не выразил никакого интереса.

– Разве вам не интересно узнать, кто снял его? – повысила голос жена.

– *Вам* не терпится мне рассказать об этом, и я не против вас выслушать.

Это было расценено как приглашение продолжить рассказ.

– Почему бы вам не узнать, мой дорогой, что, по словам миссис Лонг, Незерфилд арендован молодым человеком с севера Англии, обладающим значительным состоянием; он приехал в понедельник в карете, с упряжью в четыре лошади, чтобы осмотреть это поместье, и был так впечатлен домом, что сразу принял условия мистера Морриса; наконец, он должен вступить во владение до Михайлова дня, а часть его слуг должны быть в доме уже к концу следующей недели.

– Как зовут джентльмена?

– Бингли.

– Женат он или холост?

– Вот именно! Неженат, дорогой мой, конечно, неженат! Холостяк с приличным состоянием, четыре или пять тысяч в год. Какая прекрасная возможность для наших девочек!

– Какая возможность? Каким образом это их касается?

– Дорогой мистер Беннет, – возмутилась жена, – как вы можете быть настолько невыносимым! Вы должны понимать, что я подумываю о том, что он женится на одной из них.

– Так вот что он задумал, поселившись здесь?

– Задумал! Что за ерунда, как можно так говорить! Но весьма вероятно, что он может влюбиться в кого-нибудь из них, и поэтому вы должны навестить его, как только он прибудет.

– С моей стороны, не вижу для этого никакого повода. Но вы с девушками можете пойти, или вы можете послать их одних, что, возможно, будет даже лучше, поскольку вы так же красивы, как и любая из них, и мистери Бингли именно вы можете понравиться больше всех из компании.

– Дорогой мой, вы мне льстите. Я, конечно, производила впечатление в свое время, но на что-то экстраординарное сейчас не претендую. Когда у женщины пять взрослых дочерей, ей следует перестать думать о собственной красоте.

– В таких случаях женщине часто уже не о чем думать.

– Но, дорогой мистер Беннет, вам действительно следует пойти и навестить мистера Бингли, как только он станет нашим соседом.

– Это уже нечто выходящее за круг моих обязанностей, уверяю вас.

– Но подумайте о своих дочерях. Вообразите, какой удачей это было бы для одной из них. Сэр Уильям и леди Лукас полны решимости поехать именно по этой причине, хотя, как вы знаете, они обычно не наносят визитов первыми. В самом деле, вы должны поехать, потому что мы не сможем явиться к нему, если вы прежде не побываете там.

– Вы, без сомнения, придаете слишком большое значение условностям. Осмелюсь утверждать, что мистер Бингли будет очень рад вас видеть, и я пошлю через вас несколько строк, чтобы заверить его в моем сердечном согласии на его женитьбу на любой из юных леди, которую он выберет, хотя я должен выделить мою маленькую Лиззи.

– Не вздумайте сделать что-либо подобное. Лиззи ничуть не лучше остальных; и я уверена, что она и вполтину не так красива, как Джейн, и вполтину не так жизнерадостна, как Лидия. Но вы всегда отдаете ей предпочтение.

– Не за что их рекомендовать, – парировал мистер Беннет. – Они глупы и невежественны, как, впрочем, и все другие девушки, но у Лиззи больше живости ума, чем у ее сестер.

– Мистер Беннет, как вы можешь столь безжалостно отзываться о собственных детях? Вам доставляет удовольствие меня дразнить. У вас совершенно нет сострадания к моим бедным нервам.

– Вы ошибаетесь, моя дорогая. Я очень внимателен к вашим нервам. Они мои старые друзья. Я выслушивал ваши упоминания о них по любому поводу, по крайней мере, последние двадцать лет.

– Ах, вы не способны понять, как я страдаю.

– Но я надеюсь, что вы справитесь с этим и доживете до того, что увидите, как в наши места съезжается множество молодых людей с годовым доходом в четыре тысячи фунтов.

– Не будет нам никакой пользы от того, если приедет хоть двадцать таких, потому что вы не соизволите посетить их.

– Будьте уверены, моя дорогая, что, когда наберется двадцать, я обязательно навещу их всех.

Мистер Беннет представлял собой настолько странную смесь парадоксальных мнений, саркастического юмора, сдержанности и каприза, что двадцати трех лет совместной жизни оказалось недостаточно, чтобы жена уяснила его характер. Ее же ум было много легче понять. Это была женщина с примитивным пониманием жизни, узким кругозором и частыми перепадами настроения. Когда она была недовольна чем-то, ей казалось, что ее нервы подвергаются опасности. Делом ее жизни было выдать дочерей замуж, ее утешением были визиты и пересуды.

Глава 2

В действительности, мистер Беннет был одним из первых, кто побывал у мистера Бингли. С момента появления последнего он собирался навестить его, хотя и уверял жену, что у него нет такого намерения, так что до самого вечера в день состоявшегося визита она ничего о его поездке не знала. Раскрылось все как бы между прочим. Наблюдая, как его вторая дочь занимается украшением шляпки, он вдруг обратился к ней со словами:

– Надеюсь, мистеру Бингли она понравится, Лиззи.

– Как мы сможем узнать, что нравится мистеру Бингли, – с негодованием отреагировала ее мать, – если не собираемся его навещать.

– Но вы забываете, мама, – не согласилась Элизабет, – что мы обязательно встретим его на балу в ассамблее, и миссис Лонг обещала нам представить его.

– Не верю я, что миссис Лонг сделает что-нибудь подобное. У нее есть две собственные племянницы. Она – эгоистичная и лицемерная женщина, и я не доверяю ей.

– А уж я-то тем более, – поддержал ее мистер Беннет, – и я рад узнать, что вы не рассчитываете на ее благорасположение.

Миссис Беннет не сочла нужным ответить, но, не в силах сдержаться, начала ругать одну из своих дочерей.

– Бога ради, прекрати кашлять, Китти! Прояви хоть немного сострадания к моим нервам. Не терзай их столь безжалостно.

– Китти кашляет без всякого сострадания, – хмыкнул ее отец. – Похоже, ей нет дела до ваших нервов.

– Я кашляю не для собственного развлечения, – возмутилась Китти.

– Когда у нас следующий бал, Лиззи?

– Через две недели.

– Да, так оно и есть, – воскликнула миссис Беннет, – а миссис Лонг возвращается только днем раньше, так что у нее никак не получится представить его нам, потому что она и сама не будет представлена.

– Тогда, моя дорогая, вы сможете воспользоваться преимуществом своего с ним знакомства и представить ей мистера Бингли.

– Невозможно, мистер Беннет, абсолютно невозможно, ведь я сама с ним не встречалась; как вы можете так издеваться надо мной?

– Я уважаю вашу шепетильность. Двухнедельного знакомства, конечно, недостаточно. За две недели невозможно узнать, что на самом деле представляет собой человек. Но если мы не позволим себе этого, то поспешит кто-то другой – в конце концов, миссис Лонг и ее племянницы тоже должны иметь шанс, и, поскольку она сочтет это знаком расположения с нашей стороны, если вы откажетесь, я возьму эту обязанность на себя.

Девочки уставились на отца. Миссис Беннет отрезала:

– Что за вздор!

– Что может означать столь решительное восклицание? – удивился он. – Считаете ли вы формы того, как следует представляться и как расставлять при этом акценты, ерундой? Здесь я не могу с вами полностью согласиться. Что скажешь, Мэри? Я заметил, что ты юная леди глубокого природного ума, читаешь замечательные книги и даже делаешь выписки из них.

Мэри захотела сказать что-нибудь назидательное, но сразу не нашлась.

– Пока Мэри собирается с мыслями, – продолжал он, – вернемся к мистеру Бингли.

– Прекратите, мне дела нет до вашего мистера Бингли, – воскликнула его жена.

– Мне жаль слышать такое, но почему вы не сообщили мне этого раньше? Если бы я был в курсе хотя бы сегодня утром, я, конечно, не поехал бы к нему. Очень неудачно получилось, но так как я уже нанес визит, то теперь мы не сможем делать вид, что незнакомы.

Изумление дам было именно таким, какого он добивался; миссис Беннет была поражена, пожалуй, более всех остальных; однако, когда первый восторг прошел, она начала настаивать, что именно этого она и ожидала все время.

– Как любезно это было с вашей стороны, мой дорогой мистер Беннет! Я так и знала, что мне следует подтолкнуть вас. Я была уверена, что вы слишком сильно любите своих девочек, чтобы пренебречь таким знакомством. Как мне приятно! И это было отличной шуткой, съездить сегодня утром и до сих пор ни слова об этом не сказать.

– Теперь, Китти, ты можешь кашлять сколько угодно, – заключил мистер Беннет и, произнеся это, он вышел из комнаты, окончательно утомленный восторгами своей жены.

– Какой у вас замечательный отец, девочки! – умилилась она, когда дверь закрылась. – Я не знаю, сможете ли вы когда-нибудь отблагодарить его за его доброту; да и я тоже, если уж на то пошло. В нашем возрасте не так приятно, признаюсь я вам, заводить каждый день новые знакомства, но ради вас мы готовы на все. Лидия, любовь моя, хоть ты и самая младшая, осмелюсь предположить, что мистер Бингли обязательно будет танцевать с тобой на балу.

– А я вот и не сомневаюсь, – решительно заявила Лидия, – хоть я и самая младшая, но я самая заметная.

Остаток вечера был посвящен размышлениям о том, как скоро мистер Бингли отдаст визит мистеру Беннету, а также рассуждениям на тему, когда им следует пригласить его на ужин.

Глава 3

Однако все, что миссис Беннет при поддержке своих пяти дочерей смогла выпытать у мужа о главном предмете интереса, было недостаточным, чтобы составить какое-либо удовлетворительное описание мистера Бингли. Они испробовали разные подходы – от прямых вопросов, до остроумных предположений и провоцирующих догадок, но он ускользал из их ловушек, и в конце концов им пришлось удовлетвориться информацией из вторых рук, от их соседки леди Лукас. Мнение леди Лукас было весьма благоприятным. Сэр Уильям был от него в восторге. Мистер Бингли оказался совсем молод, удивительно красив, чрезвычайно приятен и, в довершение всего, собирался быть на ближайшем балу с большой компанией. Что может быть более восхитительным! Его увлечение танцами было определенным стимулом к влюбленности, и надежде на любовь, наверняка поселившейся в сердце мистера Бингли, следовало не дать угаснуть.

– Если я увижу, что одна из моих дочерей нашла счастье в Незерфилде, – призналась миссис Беннет своему мужу, – а все остальные так же хорошо вышли замуж, мне более нечего будет желать.

Через несколько дней мистер Бингли нанес ответный визит мистру Беннету и провел с ним около десяти минут в библиотеке. Он наверняка надеялся, что его представят юным дамам, о красоте которых он много слышал, но увидел только отца. Дамам повезло несколько больше, поскольку они сумели разглядеть из окна второго этажа, что одет он был в синее пальто и приехал на вороной лошади.

Вскоре после этого было отправлено приглашение на обед, и миссис Беннет уже спланировала покупки, которые должны были продемонстрировать ее мастерство в ведении домашнего хозяйства, но тут пришел ответ, отодвинувший встречу. Мистер Бингли был вынужден отбыть в столицу на следующий день и, следовательно, не смог иметь честь принять их приглашение и т. д. Миссис Беннет была совершенно сбита с толку. Она не могла себе представить, какие такие дела у него могли быть в городе почти сразу после прибытия в Хартфордшир, и она начала опасаться, что он может продолжить порхать из одного места в другое и так никогда и не поселится в Незерфилде, что ему надлежало бы сделать. Леди Лукас немного успокоила ее страхи, предположив, что он уехал в Лондон только лишь для того, чтобы собрать на бал большую компанию. Вскорости последовало сообщение, что мистер Бингли должен привести с собой на ассамблею двенадцать дам и семь джентльменов. Девушек опечалило такое количества дам, но они несколько воспряли накануне бала, узнав, что вместо двенадцати он привез с собой из Лондона только шестерых – пять своих родных сестер и одну двоюродную. А когда группа вошла в зал собраний, оказалось, что она состояла всего из пяти человек: мистер Бингли, две его сестры, муж старшей и еще один молодой человек.

Мистер Бингли был красив и выглядел как настоящий джентльмен – у него было приятное лицо и легкие, непринужденные манеры. Его сестры были изящными женщинами, одетыми в соответствие с последней модой. Его зять, мистер Херст, тоже выглядел как джентльмен, а вот его друг, мистер Дарси, вскоре привлек повышенное внимание присутствующих своей высокой стройной фигурой и красивыми чертами лица, не оставлявшими сомнений в его благородном происхождении, но более всего слухом, распространившимся через пять минут после его появления, о том, что у него десять тысяч фунтов годового дохода. Джентльмены сочли его достойным человеком, дамы решили, что он намного красивее мистера Бингли, и до середины бала на него смотрели с большим восхищением, пока в его манерах не разглядели явное высокомерие, что поубавило ему популярности. Он был признан излишне гордым, считавшим себя выше местного общества и не искавшим его расположения; и даже огромное

владение в Дербишире не могло оправдать его неприступного и раздраженного вида и уберечь от нелестного сравнения со своим другом.

Мистер Бингли вскоре познакомился со всеми значительными людьми, присутствовавшими в комнате; он был весел и раскован, танцевал все танцы, остался разочарован тем, что бал закончился столь рано, и сообщил о том, что намерен сам устроить такой же в Незерфилде. Подобные открытость и дружелюбие должны говорить сами за себя. Какой контраст между ним и его другом! Мистер Дарси протанцевал только один раз с миссис Херст и один раз с мисс Бингли, отказался быть представленным какой-либо иной даме и провел остаток вечера, расхаживая по гостиной, время от времени беседуя с кем-нибудь из своей компании. Мнение о его характере было составлено. Он был назван самым гордым и самым неприятным человеком на свете, и все выразили надежду, что он никогда больше здесь не появится. Среди наиболее безжалостных по отношению к нему была миссис Беннет, чья неприязнь к его поведению вообще переросла в особое негодование из-за того, что он пренебрег одной из ее дочерей.

Из-за нехватки джентльменов Элизабет Беннет пришлось оставаться на месте, станцевав таким образом всего два танца, и, по совпадению, некоторое время мистер Дарси стоял достаточно близко, чтобы она могла услышать разговор между ним и мистером Бингли, который отвлекся от танцев на несколько минут, чтобы убедить своего друга присоединиться к нему.

– Пойдем, Дарси, – уговаривал он, – мне нужно, чтобы ты потанцевал. Неприятно видеть, как ты глупо проводишь время в одиночестве. Бывали балы, на которых ты танцевал гораздо больше.

– Нет-нет. Ты прекрасно знаешь, как мне неприятно, если я не знаком по-настоящему со своей партнершей. И в подобном собрании это было бы для меня вообще невыносимо. Твои сестры ангажированы, и в комнате нет ни одной женщины, танцевать с которой для меня не было бы наказанием.

– Я бы не был таким привередливым, как ты! – воскликнул мистер Бингли. – Честное слово, я никогда в жизни не встречал столько приятных девушек в одном зале, как в этот вечер; и некоторые из них, уверяю тебя, необычайно красивы.

– Ты танцуешь с единственной красивой девушкой в этом зале, – не согласился мистер Дарси, взглянув на старшую мисс Беннет.

– Это именно так! Она самое прекрасное существо, которое я когда-либо видел! Но недалеко от тебя сидит одна из ее сестер, красивая и, осмелюсь сказать, очень привлекательная. Позволь мне попросить мою партнершу представить тебя ей.

– Кого ты имеешь в виду? – и, обернувшись, он какое-то время рассматривал Элизабет, пока, поймав ее взгляд, не отвернулся и не вымолвил холодно, – она мила, но недостаточно красива, чтобы привлечь мое внимание. Сегодня я не в настроении оказывать помощь барышням, которыми пренебрегают другие кавалеры. Тебе лучше вернуться к своей партнерше и насладиться ее улыбками, потому что со мной ты напрасно тратишь время.

Мистер Бингли последовал его совету. Мистер Дарси продолжил свою прогулку, а у Элизабет конечно же не возникло к нему каких-либо сердечных чувств. Однако она не преминула рассказать эту историю с большой иронией своим подругам – у нее был живой, игривый нрав, который откликался на все смешное.

Вечер в целом получился приятным для всех членов семьи. Миссис Беннет видела, что ее старшая дочь вызывала восхищение в обществе Незерфилда. Мистер Бингли дважды танцевал с Джейн, а его сестры были благосклонны к ней. Джейн радовалась этому не меньше, чем ее мать, хотя и более сдержанно. Элизабет чувствовала радость Джейн. Мэри подслушала, как мисс Бингли упоминала о ней как о самой образованной девушке в округе, Кэтрин и Лидии посчастливилось ни разу не остаться без партнеров для танцев, а это было все, что их заботило на балу. Поэтому хорошее настроение не покинуло всех членов семьи по возвращении в Лонгборн, небольшую деревню, где их немногочисленное семейство и составляло благодородное

общество. Они нашли мистера Беннета еще бодрствующим. С книгой в руках он забывал о времени, а в данном случае его еще интересовали события вечера, породившего такие радужные ожидания. Он надеялся, по правде, что мнение его жены о новом соседе станет менее восторженным, но вскоре понял, что ему придется выслушать иную историю.

– Ах! Дорогой мистер Беннет, – заговорила жена, как только вошла в комнату, – мы провели чудеснейший вечер, бал был прекраснейшим. Мне бы хотелось, чтобы вы тоже были там. Джейн вызывала такое восхищение, что ничего лучшего невозможно было пожелать. Все говорили мне о том, как хорошо она выглядит, и мистер Бингли нашел ее очень красивой и дважды танцевал с ней! Только подумайте, мой дорогой, он танцевал с ней дважды! И она была единственной леди на балу, которую он пригласил во второй раз. Сначала он пригласил мисс Лукас. Мне было так досадно видеть, как он подал ей руку! Однако, она совершенно не пришлась ему по вкусу; в самом деле, кому она может понравиться, вы же ее знаете. А вот Джейн, как я заметила, совершенно покорила его во время танца. Да так, что он стал интересоваться, кто она такая, его представили, и он ангажировал ее на два следующих танца. Потом третий он танцевал с мисс Кинг, четвертый – с Марией Лукас, а пятый – снова с Джейн, шестой – с Лиззи, и потом с Буланже...

– Если бы он имел хоть каплю жалости ко мне, – вклинился в ее повествование муж, – он бы и половину этого не танцевал! Бога ради, не говорите больше о его партнершах. Лучше бы он вообще ногу подвернул!

– Дорогой мой, я в полном восторге от него. Он такой необыкновенно красивый! А его сестры – очаровательные женщины. Я никогда в жизни не видела ничего более элегантного, чем их платья. Осмелюсь сказать, что кружево на платье миссис Херст...

Здесь ей снова пришлось прерваться. Мистер Беннет протестовал против любого описания нарядов. Поэтому ей пришлось искать другую тему и с большой горечью и некоторыми преувеличениями рассказать о возмутительной надменности мистера Дарси.

– Но я могу заверить вас, – добавила она, – что Лиззи не много потеряет, если не будет стараться соответствовать его вкусу, ибо он очень неприятный и даже отвратительный человек, совершенно не стоящий того, чтобы искать его расположения. Столь высокомерный и настолько тщеславный, что его невозможно было выносить! Он прогуливался повсюду, воображая себя этакой недоступной персоной! Не настолько красив, чтобы пожелать с ним танцевать! Мне хотелось, чтобы вы были там, мой дорогой, и поставили бы его на место. Я испытываю отвращение к этому человеку.

Глава 4

Когда старшие сестры по возвращении домой остались одни, Джейн, до того осторожная в похвалах мистеру Бингли, не стала сдерживать своего восхищения им.

– Он именно такой, каким и должен быть молодой человек, – говорила она, – рассудительный, добродушный, живой; и я никогда не встречала мужчин с такими изящными манерами! Какая непринужденность, какая безупречная воспитанность!

– Он к тому же красив, – добавила Элизабет, – каким и должен быть молодой человек, если это возможно. Он, похоже, лишен недостатков.

– Мне очень польстило, что он пригласил меня на танец во второй раз. Я не ожидала такой ясной демонстрации его расположения.

– Тебя это удивляет? Меня нисколько. Но в этом и есть большое различие между нами. Compliments всегда застают тебя врасплох, меня же – никогда. Что может быть естественнее, чем его повторное приглашение? Он просто не мог не увидеть, что ты примерно в пять раз красивее любой другой женщины в зале. Незачем хвалить его за это. Что ж, он, конечно, очень приятный человек, и я, пожалуй, позволю тебе его полюбить. Тебе нравились мужчины и поглупей этого.

– Как ты можешь, Лиззи!

– Знаешь, ты слишком склонна любить людей вообще. Ты никогда и ни в ком не видишь недостатков. Все вокруг хороши и приятны в твоих глазах. Я никогда в жизни не слышала, чтобы ты отзывалась плохо о ком-нибудь.

– Мне просто не хотелось бы спешить с осуждением кого бы то ни было, но я всегда говорю только то, что думаю.

– Я знаю, что ты всегда поступаешь именно так, но это-то и удивительно. При твоём здравом уме быть настолько искренне снисходительной к глупости и несурзности других! Притворная искренность и откровенность нередки, их можно встретить повсюду. Но быть искренней бескорыстно, а не напоказ, разглядеть добрые черты в характере любого человека и сделать его таким образом лучше, и никогда не говорить о плохом, такое есть только у тебя. Значит, тебе должны нравиться и его сестры, не так ли? Хотя их манеры столь отличны от его.

– Ну конечно же, это не так. Но когда с ними пообщаешься, они оказываются очень приятными женщинами. Мисс Бингли будет жить со своим братом и вести его дом, и не ошибусь, предположив, что мы найдем в ее лице очаровательную соседку.

Элизабет не стала возражать, но речи сестры ее не убедили. Поведение сестер Бингли на балу не давало оснований полагать, что они старались понравиться, и, обладая большей наблюдательностью и менее снисходительным характером, чем сестра, не искаженными избыточным вниманием к себе, она не была склонна одобрить их манеры. На самом деле, это были вполне типичные светские дамы: они не скрывали хорошего настроения, когда им все нравилось, и демонстрировали способность быть приятными, когда считали это выгодным, но, по сути, были высокомерными и тщеславными. Они были довольно красивы, получили хорошее образование в одной из первых частных школ в столице, владели состоянием в двадцать тысяч фунтов каждая, но имели привычку тратить больше, чем следовало бы. Вращаясь в обществе людей светских, они находили во всех уважение к своему положению, что, по их мнению, давало право высоко ценить себя и пренебрегать другими. Происходили они из respectable семьи с севера Англии, обстоятельство, более глубоко запечатлевшееся в их памяти, чем то, что состояние их брата и их собственное было обеспечено торговлей.

Мистер Бингли унаследовал почти сто тысяч фунтов от своего отца, который при жизни имел намерение приобрести поместье, но так и не сделал этого. Мистер Бингли не отказался от этой мысли и иногда подумывал то об одном, то о другом графстве, но поскольку в настоящий

момент в его распоряжении оказался прекрасный дом и обширное поместье, многие из тех, кто лучше других знали легкость его нрава, испытывали сомнения, не проведет ли он остаток своих дней в Незерфилде, а приобретение владения оставит своим наследникам.

Его сестры горели желанием, чтобы у него было собственное имение, но, хотя пока он стал только арендатором, мисс Бингли ни в коем случае не отказывалась исполнять роль хозяйки дома за его столом, да и миссис Херст, вышедшая замуж за человека скорее родовитого, чем богатого, была не менее склонна считать этот дом своим, когда ей было удобно. Не прошло и пары лет после получения наследства, когда мистер Бингли случайно узнал о сдающемся имении и решил взглянуть на Незерфилд-хаус. Он собрался-таки и посмотрел его, провел в нем около получаса, остался доволен обстановкой и парадными комнатами, удовлетворился тем, как хозяин расхваливал дом, и, не торгуясь, арендовал его.

Несмотря на разительную противоположность характеров его и Дарси связывала очень крепкая дружба. Бингли понравился Дарси за легкость, открытость и мягкость, хотя ни один характер не мог составить большего контраста с его собственным, своим же собственным характером он был полностью удовлетворен. Дарси пользовался глубочайшим уважением у Бингли и полным его доверием, а его суждения Бингли воспринимал как последнюю истину. Он безоговорочно принимал главенство Дарси. Бингли ни в коей мере не был несмышленным, но Дарси был действительно умен. Но в то же время он был надменным, сдержанным в проявлении своих чувств и весьма щепетильным, а его манеры, хотя и полностью корректные, не вызывали симпатии. В этом отношении его друг имел огромное преимущество. У Бингли не было оснований сомневаться в том, что его любят, где бы он ни появлялся, Дарси же неизменно отталкивал людей.

То, как каждый из них отзывался об ассамблее в Меритоне, было достаточно характерным. Никогда в жизни Бингли не встречал более приятных людей и более красивых девушек, все были к нему очень добры и внимательны, не существовало никаких глупых условностей, никакой недоброжелательности; вскоре он чувствовал себя так, будто был знаком со всеми присутствующими в зале; а что касается мисс Беннет, то он не мог представить себе ангела прекраснее. Дарси, напротив, увидел толпу, в которой было мало красоты и отсутствовала изящность, ни к одному из присутствующих он не испытывал ни малейшего интереса, и никто не уделял ему самому надлежащего внимания, от общения с ними он не ожидал никакого удовольствия. Мисс Беннет он признал красивой, но она, по его мнению, слишком много улыбалась.

Относительно последнего миссис Херст и ее сестра допускали, что это было именно так, но, тем не менее, они отдавали должное ее достоинствам и считали милой девушкой, с которой они не прочь сойтись ближе. Таким образом, мисс Беннет была признана достойной леди, и Бингли почувствовал, что их мнение предоставляет ему свободу думать о ней так, как он сам пожелает.

Глава 5

Недалеко от Лонгборна проживала семья, с которой Беннеты были особенно близки. Сэр Уильям Лукас раньше занимался торговлей в Меритоне, где и заработал приличное состояние, а затем во время своего пребывания на посту мэра получил рыцарский титул, обратившись с прошением к королю. Такое возвышение, по-видимому, подействовало на него как-то слишком сильно. Он почувствовал отвращение к своему прежнему занятию и к месту жительства в маленьком торговом городке. Отказавшись и от того, и от другого, он переехал со своей семьей в новый дом примерно в миле от Меритона, который стал называть Лукас-лодж и в котором он мог отныне с удовольствием проводить время в ощущении своей значимости, а будучи свободным от дел, направил свою энергию исключительно на то, чтобы быть доброжелательным по отношению ко всем окружающим. Хотя титул баронета и воодушевил его, он не сделал его высокомерным, напротив, он оставался внимателен ко всем. Был он по своей природе безобидным, дружелюбным и любезным, а представление ко двору в Сент-Джеймском дворце окончательно превратило его в человека в высшей степени учтивого и обходительного.

Леди Лукас была женщиной доброго нрава, в достаточной степени неумной, чтобы оказаться желанной соседкой для миссис Беннет. У них было несколько детей. Старшая из них, рассудительная, умная молодая леди лет двадцати семи, была близкой подругой Элизабет.

Нет сомнений, было абсолютно необходимо, чтобы мисс Лукас и мисс Беннет встретились и поговорили о бале. Поэтому уже на следующее утро все мисс Лукас прибыли в Лонгборн, чтобы сообщить о своих впечатлениях и узнать, что думают по этому поводу их соседки.

– Начало вечера было прекрасным для вас, Шарлотта, – сдержанно оценила события миссис Беннет, обращаясь к мисс Лукас. – Вас первой выбрал мистер Бингли.

– Да, но, похоже, вторая партнерша ему понравилась больше.

– Да-да! Я полагаю, вы имеете в виду Джейн, потому что он танцевал с ней дважды. Честно говоря, мне показалось, что он восхищался ею ... я даже почти верю в это, ... я слышала кое-что об этом, ... но едва ли знаю точно ... что-то говорили о мистере Робинсоне.

– Возможно, вы имеете в виду, что я краем уха услышала разговор между ним и мистером Робинсоном, разве я вам об этом не говорила? Мистер Робинсон интересовался, как ему нравятся наши балы в Меритоне и не кажется ли ему, что в зале очень много хорошеньких женщин, а также спросил его, какая из них, по его мнению, самая красивая? И тот, не задумываясь, ответил сразу на последний вопрос: – О! Вне всякого сомнения, старшая мисс Беннет, на этот счет не может быть двух мнений.

– Однако! Что ж, это действительно совершенно недвусмысленно, пожалуй, это так, но, как знать, все может закончиться ничем, сами понимаете.

– То, что услышала я, было даже более определенным, чем твои предположения, Элиза, – решила Шарлотта. – Что там наговорил мистер Дарси, не заслуживает внимания, важнее, что говорил его друг, не так ли? – бедная Элиза! – оказаться всего лишь недурной.

– Умоляю вас, не внушайте Лиззи, что ей стоит расстраиваться из-за неделикатных слов мистера Дарси, ведь он настолько неприятный человек, что было бы большим несчастьем понравиться ему. Миссис Лонг рассказала мне вчера вечером, что он полчаса просидел рядом с ней, не вымолвив ни слова.

– Вы совершенно уверены, мадам? Не преувеличила ли она? – выразила сомнение Джейн. – Я определенно видела, как мистер Дарси разговаривал с ней.

– Так-то оно так, но это только потому, что она сама не выдержала и спросила его, нравится ли ему Незерфилд, и он не мог не ответить ей. Но она заметила, что он, кажется, был крайне недоволен, что с ним заговорили.

– Мисс Бингли рассказала мне, – вступилась Джейн, – что он никогда не говорит много, разве что в кругу своих близких знакомых. С ними он удивительно общителен и приятен.

– Я не верю ни единому ее слову, моя дорогая. Если бы он был действительно любезен, он бы поговорил с миссис Лонг. Но я могу предположить, как это было на самом деле. Все говорят, что им движет непомерная гордыня, и я полагаю, что он каким-то образом прослышал, что миссис Лонг не держит карету и приехала на бал в бричке.

– Я не имею ничего против того, что он не пожелал разговаривать с миссис Лонг, – сказала мисс Лукас, – но мне хотелось, чтобы он потанцевал с Элизой.

– В следующий раз, Лиззи, – продолжила стоять на своем ее мать, – я на твоём месте не стала бы танцевать с ним.

– Думаю, матушка, я могу твердо пообещать вам никогда не танцевать с ним.

– Его гордость, – сказала мисс Лукас, – не так сильно задевает меня, как это чаще всего бывает в подобных случаях, потому что ей есть оправдание. Неудивительно, что такой блестящий молодой человек благородного происхождения, обладающий значительным состоянием, то есть наделенный всем, что говорит в его пользу, может придерживаться высокого мнения о себе. Если можно так выразиться, он имеет право быть гордым.

– Это очень верно, – казалось, согласилась Элизабет, – и я легко могла бы простить его гордость, если бы он не унизил мою.

– Гордость, – вступила в разговор Мэри, претендовавшая на основательность своих суждений, – я считаю очень распространенным недостатком. Все, до сих пор мною прочитанное, позволяет мне верить, что это действительно очень распространенная черта у людей, человек по природе своей особенно склонен к ней и очень немногие из нас не питают чувства самодовольства по поводу того или иного обладаемого качества, реального или воображаемого. Однако тщеславие и гордыня – разные вещи, хотя эти слова часто используются как синонимы. Человек может гордиться, не будучи тщеславным. Гордость больше связана с нашим мнением о себе, тщеславие – с тем, что мы хотим, чтобы о нас думали другие.

– Если бы я был так же богат, как мистер Дарси, – воскликнул молодой Лукас, пришедший со своими сестрами, – меня не волновало бы, горд я или нет. Я бы держал свору гончих и выпивал бутылку вина каждый день.

– Тогда вы выпили бы гораздо больше, чем вам дозволено, – отреагировала миссис Беннет. – И, если бы я застала вас за этим, я бы сразу забрала у вас бутылку.

Юноша возразил, что ей не следует этого делать, она продолжала настаивать, что будет делать, и спор закончился только тогда, когда пришла пора гостям попрощаться с хозяевами.

Глава 6

Дамы в Лонгборне стали ждать ответного визита дам из Незерфилда, который не заставил себя ждать и прошел в соответствии со всеми канонами. Приятные манеры мисс Беннет были оценены еще выше благодаря благосклонному отношению миссис Херст и мисс Бингли, и, хотя мать оказалась невыносимой, а младшие сестры не заслуживали ни единого доброго слова, в отношении двух старших желание поближе познакомиться было выражено вполне определенно. Джейн восприняла такое внимание с величайшим удовольствием, а вот Элизабет по-прежнему ощущала высокомерие в их обращении со всеми, не исключая даже ее сестру, что не вызвало ее симпатии; хотя их доброе отношение к Джейн, какой бы природы оно ни было, заслуживало внимания, поскольку возникло, по всей видимости, под влиянием восторгов их брата. Всякий раз, когда они встречались, было видно, как он восхищается ею, и для нее было столь же очевидно, что Джейн отдает ему предпочтение, продолжая испытывать симпатию к нему, возникшую с первой встречи, и даже все более увлекаясь, но она с удовлетворением понимала, что вряд ли это будет замечено остальными, поскольку Джейн сочетала в себе силу чувств со сдержанностью в их проявлении и неизменной жизнерадостностью манер, которые защищали ее от возможных подозрений и сплетен бесцеремонных людей. Она поделилась этим со своей подругой мисс Лукас.

– Может быть, это и было бы разумным, – ответила Шарлотта, – иметь возможность в подобном случае ввести в заблуждение общество, но иногда быть настолько осторожной – это недостаток. Если женщина с таким же умением скрывает свою привязанность и от объекта ее, она может потерять возможность побуждать его; и тогда будет лишь слабым утешением верить, что и весь мир также находится в неведении. Почти в каждой привязанности заключено так много либо благодарности, либо тщеславия, что пускать все на самотек небезопасно. Мы все можем завязывать необязывающие отношения – всегда возникают какие-то предпочтения, но очень немногие из нас имеют пылкое сердце, способное по-настоящему любить, не видя ответного чувства. В девяти случаях из десяти женщине лучше проявить больше влечения, чем она чувствует. Бингли, несомненно, нравится ваша сестра, но он, возможно, никогда не решится полюбить ее, если она не поспособствует этому.

– Но она поощряет его, насколько позволяет ее характер. Если я могу почувствовать ее симпатию к нему, то он должен быть совсем простаком, чтобы не видеть этого тоже.

– Помни, Элиза, что он не знает характера Джейн так, как ты.

– Но если женщина равнодушна к мужчине и не пытается скрыть своей склонности, он должен это понять.

– Пожалуй что, он должен это понять, но только если ему предоставляются удобные случаи достаточно тесно общаться с ней. Бингли и Джейн встречаются довольно часто, но они ведь никогда не проводят вместе помногу часов; а так как они всегда встречаются в больших компаниях, у них нет возможности использовать каждую минуту для разговора друг с другом. Поэтому Джейн должна максимально использовать любые встречи, во время которых она может привлечь его внимание. Когда она будет уверена в его привязанности, у нее будет достаточно времени, чтобы влюбиться самой на столько, на сколько она посчитает необходимым.

– Твои наставления хороши, когда речь идет только о желании хорошо выйти замуж, – не согласилась Элизабет, – и будь я полна решимости получить богатого или хотя бы какого-нибудь мужа, я, пожалуй, должна была бы принять их всерьез. Но это не то чувство, что испытывает Джейн – у нее-то нет определенных намерений. Пока она даже не способна осознать ни степень своего увлечения, ни его обоснованность. Они знакомы всего две недели. Она станцевала с ним четыре танца в Меритоне, однажды она нанесла визит в его поместье и затем

четыре раза ужинала в одном обществе с ним. Ей этого недостаточно, чтобы оценить привлекательность его характера.

– Не все так, как ты это представляешь. Если бы она просто поужинала с ним, она могла бы только узнать, хороший ли у него аппетит; но ты должна помнить, что к тому же целых четыре вечера были проведены ими вместе, а четыре вечера могут решить многое.

Да, эти четыре вечера позволили им убедиться, что блэк-джек им обоим нравится больше, чем покер; но что касается любой другой существенной черты характера, я не думаю, что они так много узнали друг о друге.

– Конечно же, – подвела итог Шарлотта, – я от всего сердца желаю Джейн успеха, но думаю, если бы она вышла за него замуж завтра, у нее были бы такие же шансы на счастливый брак, как если бы она изучала его характер в течение года. Счастье в браке – это полностью вопрос случая. Даже если особенности характеров партнеров столь хорошо известны друг другу или они настолько схожи с самого начала, это ни в малейшей степени не способствует их счастью. Они продолжают развиваться в последующие годы по-разному и оставаться достаточно непохожими, и это может создавать опасность возникающего раздражения; пожалуй, лучше знать как можно меньше о недостатках человека, с которым тебе предстоит провести свою жизнь.

– Твои рассуждения, Шарлотта, не могут не вызвать улыбку, и они не выглядят убедительными. Ты ведь понимаешь, что это слишком дидактично, и что сама ты не поступала бы так никогда.

Увлеченная наблюдением за растущим вниманием мистера Бингли к своей сестре, Элизабет и не подозревала, что она сама стала объектом интереса в глазах его друга. Мистер Дарси поначалу противился тому, чтобы признать ее хорошенькой; на балу он рассматривал ее без восхищения и когда они встретились в следующий раз, он взглянул на нее лишь для того, чтобы подтвердить свое неблагоприятное мнение. Но как только он убедил себя и своих друзей, что в ее лице едва ли найдется хоть одна приятная черта, он вдруг обнаружил, что благодаря прекрасным, выразительным карим глазам она производит необыкновенное впечатление. За этим открытием последовали другие, для него столь же обескураживающие. Имея взгляд критический, он и приметил отсутствие совершенной симметрии в ее фигуре, но был вынужден признать ее изящной и привлекательной; и хотя он поначалу утверждал, что ее манеры не полностью соответствуют светским, его пленила легкая игривость в ее поведении. Она же об этом даже не подозревала, для нее он был всего лишь человеком, который никогда не старался произвести приятное впечатление и который не считал ее достаточно красивой, чтобы потанцевать с ней.

Ему захотелось узнать о ней больше, и в качестве первого шага в сближении с ней он стал следить за ее разговорами с другими. Его поведение не осталось незамеченным. И вот что произошло у сэра Уильяма Лукаса, где собралась большая компания.

– Что задумал мистер Дарси, прислушиваясь к моему разговор с полковником Форстером? – обратилась Элизабет к Шарлотте.

– На этот вопрос может ответить только сам мистер Дарси.

– Но если он еще раз позволит себе что-либо подобное, я обязательно дам ему понять, что я все вижу. У него слишком ироничный взгляд на все, и если я не начну дерзить ему, то, пожалуй, сама начну его побаиваться.

Когда вскоре после такого признания мистер Дарси приблизился к ним, хотя, по-видимому, и без намерения заговорить, мисс Лукас не преминула втянуть свою подругу в разговор, затронув весьма важную тему развлечений, что немедленно привело к тому, что Элизабет повернулась к нему и спросила:

– Не считаете ли вы, мистер Дарси, что я сейчас поступила крайне удачно, когда шутливо подтолкнула полковника Форстера к мысли устроить для нас бал в Меритоне?

– Вы проделали все весьма энергично, но это предмет, который всегда делает дам энергичными.

– Вы не слишком снисходительны к нам.

– Настает момент подразнить и тебя, – с улыбкой вмешалась мисс Лукас. – Я собираюсь открыть инструмент, Элиза, и ты знаешь, что должно произойти дальше.

– Странно проявляется твое дружеское отношение ко мне! Ты всегда желаешь, чтобы я играла и пела везде и перед всеми! Если бы мое тщеславие распространялось на музицирование, твои усилия были бы неоценимы, но на самом деле я бы предпочла не играть для тех, кто, должно быть, привык слушать самых лучших исполнителей.

Однако, подчиняясь настойчивости мисс Лукас, она добавила:

– Хорошо, если тому суждено, то пусть так и будет, – и серьезно взглянув на мистера Дарси добавила, – есть прекрасная старая поговорка, которая, конечно, всем здесь известна: Дыши глубже, чтобы остудить свою кашу; вот и я поступлю так же, но для того, чтобы песня моя прозвучала достойно.

Ее игра была приятной, хотя и не совершенной. После одной-двух песен, прежде чем она успела уступить просьбам некоторых из слушателей продолжить пение, ее с готовностью сменила за инструментом ее сестра Мэри, которая, будучи не столь красивой, как остальные сестры, компенсировала этот недостаток трудолюбием в приобретении знаний и полезных навыков и всегда стремилась использовать шанс, чтобы продемонстрировать их окружающим.

У Мэри, увы, не было ни способностей, ни вкуса, и хотя честолюбие способствовало ее прилежности, оно также наградило ее скучным обликом и тщеславными манерами, которые навредили бы и при более высокой степени совершенства, чем демонстрировала она. Элизабет, непринужденную и раскованную, слушали с гораздо большим удовольствием, хотя она играла и вполнину не так хорошо, но и Мэри в конце длинного концерта получила свою порцию похвал и благодарностей за шотландские и ирландские мелодии, сыгранные по просьбе своих младших сестер, которые с подружками из сестер Лукас и двумя или тремя офицерами с удовольствием проводили вечер, танцуя в другом конце комнаты.

Мистер Дарси, оказавшись рядом, наблюдал за ними с явным неодобрением такого времяпрепровождения, исключаящего всякую беседу, и был слишком поглощен своими мыслями, чтобы заметить, что к нему приблизился сэр Уильям, пока тот не обратился к нему:

– Какое это очаровательное развлечение для молодежи, мистер Дарси! В конце концов, нет ничего более привлекательного чем танцы. Я считаю их одним из важнейших элементов собраний изысканного общества.

– Безусловно, сэр; и у них есть еще и то достоинство, что они пользуются популярностью и в среде менее цивилизованных народов. Каждый дикарь способен танцевать.

Сэр Уильям только улыбнулся.

– Ваш друг танцует восхитительно, – продолжил он после паузы, увидев, что к веселящимся присоединился Бингли, – и я не сомневаюсь, что вы сами изрядно преуспели в этой науке, мистер Дарси.

– Думаю, вы видели, как я танцевал в Меритоне, сэр.

– Конечно, и получил от этого зрелища немалое удовольствие. Вам часто приходилось танцевать в Сент-Джеймсе?

– Ни разу, сэр.

– Вам не кажется, что это стало бы достойным украшением этого места?

– Это именно то, чем я никогда не украшу ни одно из мест, если смогу этого избежать.

– Я так понимаю, у вас есть дом в городе?

Мистер Дарси кивнул, подтвердив догадку.

– Когда-то у меня была мысль поселиться в столице, потому что я люблю высшее общество, но я не был вполне уверен, что лондонский воздух подойдет леди Лукас.

Он сделал паузу в надежде получить ответ, но его собеседник не был расположен продолжать разговор, и тогда он обратил свое внимание на Элизабет, приблизившуюся к ним, не найдя ничего более обходительного, чем обратиться к ней:

– Моя дорогая мисс Элиза, почему вы не танцуете? Мистер Дарси, вы должны позволить мне рекомендовать вам эту молодую леди как очень привлекательную партнершу. Я уверен, что вы не сможете отказаться от танца, когда вам предоставляет шанс такая красота.

И, взяв ее руку, он хотел передать ее мистеру Дарси, который, хотя и был крайне удивлен, не стал отказываться, протянув свою, но Элизабет тотчас же отпрянула и с некоторым смущением сказала сэру Уильяму:

– Вы знаете, сэр, у меня нет ни малейшего намерения танцевать. Прошу вас не думать, что я проходила здесь в поисках партнера.

Мистер Дарси со всей серьезностью тут же попросил удостоить его этой чести, но тщетно. Элизабет была полна решимости, и сэр Уильям ничуть не поколебал ее намерений, уговаривая изменить свое решение.

– Вы так великолепны в танце, мисс Элиза, что жестоко отказывать мне в счастье наблюдать за вами, и хотя джентльмен не одобряет этого развлечения, я уверен, что он не будет возражать против того, чтобы уделить ему полчаса.

– Мистер Дарси – сама любезность, – сказала Элизабет, улыбаясь.

– Это действительно так, но, учитывая то, с кем ему предлагается станцевать, моя дорогая мисс Элиза, мы не станем удивляться его снисходительности – ведь кто будет возражать против такой партнерши?

Элизабет лукаво взглянула на Дарси и удалилась. Ее отказ не вызвал у нее никакого сожаления относительно джентльмена, да и он продолжал думать о ней, находясь в состоянии вполне благодушном, когда мисс Бингли обратилась к нему:

– Я могу угадать направление ваших размышлений.

– Думаю, не можете.

– Вы думаете о том, как невыносимо было бы проводить многие вечера подобным образом, в таком обществе, и я вполне согласна с вами. Я никогда не была более раздосадована! Безвкусица и одновременно претенциозность, ничтожность и вместе с тем самомнение всех этих людей! Много бы я дала, чтобы услышать ваши иронические комментарии по их поводу!

– Ваше предположение совершенно неверно, уверяю вас. Мои мысли были заняты более приятными вещами. Я размышлял о том огромном удовольствии, которое может доставить пара прекрасных глаз на лице красивой женщины.

Мисс Бингли тотчас же впиалась взглядом в его лицо и пожелала, чтобы он сообщил ей, какая дама имеет честь вызвать такие размышления.

Мистер Дарси ответил с большим бесстрашием:

– Мисс Элизабет Беннет.

– Мисс Элизабет Беннет! – воскликнула мисс Бингли. – Я в полном изумлении. С каких это пор она стала вашей любимицей? И когда же мне, скажите на милость, будет позволено пожелать вам счастья?

– А вот это именно тот вопрос, который я ожидал от вас. У женщин воображение работает очень быстро: от восхищения оно перескакивает к любви, от любви к супружеству – все это в одно мгновение. Я был уверен, что вы пожелаете мне счастья.

– Уж если вы настолько серьезно относитесь к этому, я буду считать, что вопрос окончательно решен. У вас к тому же будет очаровательная теща и, конечно же, она всегда будет оживлять вашу жизнь в Пемберли.

Он слушал ее с совершенным равнодушием, пока она продолжала развлекаться таким образом, и поскольку отсутствие реакции с его стороны убедило ее, что ей ничего не угрожает, она еще долго упражнялась в остроумии.

Глава 7

Собственность мистера Беннета почти целиком состояла из поместья, дававшего доход в две тысячи фунтов годовых, которое, к несчастью для его дочерей, за неимением наследников мужского пола переходило к дальнему родственнику, а состояния их матери, хотя и достаточного для удовлетворения повседневных нужд, едва ли хватило бы для поддержания их жизни в отсутствие поместья. Ее отец был адвокатом в Меритоне и оставил ей четыре тысячи фунтов.

У нее была сестра, вышедшая замуж за некоего мистера Филлипса, который в свое время был клерком у их отца и сменил того в делах, а их брат жил в Лондоне, будучи почтенным коммерсантом.

Местечко Лонгборн находилось всего в одной миле от Меритона, что было весьма удобно для молодых леди, которым трудно было противиться искушению появляться здесь три-четыре раза в неделю, чтобы одарить своим вниманием тетюшку и галантерейную лавку, расположенную неподалеку. Особенно часто такое внимание оказывалось двумя младшими членами семьи, Кэтрин и Лидией – их головы были более пусты, чем у их сестер, и, когда ничего лучшего не предлагалось, у них возникала необходимость прогуляться до Меритона, чтобы занять утренние часы и подобрать тему для разговора вечером, и как бы мало новостей ни было в окрестностях, им всегда удавалось узнать кое-что от своей тетюшки. В настоящее же время, они были переполнены и новостями, и счастьем благодаря недавнему прибытию полка ополчения. Полк должен был квартироваться всю зиму в окрестностях, а штаб-квартира разместилась в Меритоне.

Их визиты к миссис Филлипс теперь обеспечивали семейство самыми интересными сведениями. Каждый день добовлял что-то к их знаниям об именах офицеров и сведениями об отношениях тех между собой. Места, где офицеры проводили время, недолго оставались тайной, и вскоре они начали заводить знакомства среди них. Мистер Филлипс посетил их всех, и это открыло его племянницам невиданные ранее источники для восторгов. Они не были способны теперь говорить о чем-либо, кроме как об офицерах; и даже большое состояние мистера Бингли, упоминание о котором так воодушевляло их мать, уступало в их глазах мундиру прапорщика.

Выслушав однажды утром их рассуждения по этому поводу, мистер Беннет невозмутимо заметил:

– Если судить по тому, что и как вы обсуждаете, вы, должно быть, две самые глупые девицы в королевстве. Я подозревал это и раньше, но теперь убедился окончательно.

Кэтрин смутилась и ничего не ответила, а Лидия совершенно безмятежно продолжала выражать свое восхищение капитаном Картером и надежду увидеть его сегодня же, поскольку на следующее утро он собирался отбыть в Лондон.

– Я удивлена, мой дорогой, – заметила миссис Беннет, – что вы с такой легкостью готовы считать своих детей глупыми. Если бы мне пришлось думать пренебрежительно о каких-либо детях, то это не должны были бы быть мои собственные.

– Если мои дети глупы, я должен надеяться, что всегда буду хотя бы это сознавать.

– Да, но, как оказалось, все они очень умны.

– Лыщу себя надеждой, что это единственный пункт, по которому мы не нашли согласия. Была надежда, что наши представления совпадут во всех деталях, но я настолько сильно отличаюсь от вас, что продолжу считать двух наших младших дочерей необычайно глупыми.

– Мой дорогой мистер Беннет, вы не должны ожидать, что эти девочки будут столь же рассудительны и благоразумны, как их отец и мать. Когда они достигнут нашего возраста, осмелюсь утверждать, они не станут думать об офицерах больше, чем мы. Я помню то время, когда мне самой очень нравились офицерские мундиры, да и до сих пор в глубине души я их люблю,

и если молодому полковнику с доходом в пять-шесть тысяч в год понравится одна из моих девушек, я не откажу ему; кстати, мне вспомнилось, что полковник Форстер прошлым вечером у сэра Уильяма выглядел очень импозантным в своем мундире.

– Мама, – воскликнула Лидия, – тетя говорит, что полковник Форстер и капитан Картер уже не ходят так часто к мисс Уотсон, как это было раньше; она теперь очень часто видит их в книжной лавке Кларка.

Миссис Беннет не смогла продолжить столь содержательный разговор из-за появления лакея с запиской для мисс Беннет; она пришла из Незерфилда, и слуга ждал ответа. Глаза миссис Беннет засверкали от удовольствия, и она нетерпеливо восклицала, пока дочь читала:

– Ну, Джейн, от кого это? О чем это? Что он пишет? Ну же, Джейн, поторопись и расскажи нам, поторопись, любовь моя.

– Это от мисс Бингли, – ответила Джейн и стала читать.

«Мой дорогой друг,

Если вы не будете настолько сострадательны, что отобедаете сегодня со мной и Луизой, мы с сестрой подвергнемся опасности возненавидеть друг друга до конца наших дней, ибо целый день тет-а-тет между двумя женщинами никогда не может закончиться без ссоры. Приезжайте как можно скорее, сразу по получении этого письма. Мой брат и джентльмены будут сегодня обедать с офицерами.

Ваша Кэролайн Бингли».

– С офицерами! – выделила главное Лидия. – Интересно, что наша тетушка ни словом не обмолвилась об этом.

– Обедать вне дома, – заметила миссис Беннет, – это не лучшая идея.

– Можно мне взять карету? – спросила Джейн.

– Нет, моя дорогая, тебе лучше поехать верхом, потому что, кажется, скоро пойдет дождь, и тогда тебе придется остаться там на всю ночь.

– Это был бы замечательный замысел, – сказала Элизабет, – если бы вы были уверены, что они не предложат отправить ее домой своим экипажем.

– А вот и нет! Карета мистера Бингли понадобится джентльменам, чтобы поехать в Мери-тон, потому что у Херстов нет для них лошадей.

– Я бы предпочла поехать в карете.

– Но, моя дорогая, я уверена, что твой отец не может дать тебе лошадей. Они необходимы на ферме, мистер Беннет, не так ли?

– На ферме они нужны гораздо чаще, чем оказываются в моем распоряжении.

– Но если вы воспользуетесь ими сегодня, – сказала Элизабет, – то цель нашей матери будет достигнута.

В конце концов она вынудила отца подтвердить, что лошади заняты. Поэтому Джейн пришлось ехать верхом, и мать проводила ее до порога, повторяя, что день должен быть слякотным. И ее надежды оправдались. Не успела Джейн отъехать от дома, как пошел сильный дождь. Сестры стали беспокоиться за нее, а мать обрадовалась. Дождь продолжался весь вечер без перерыва, Джейн определенно не могла вернуться.

– Моя идея оказалась действительно удачной! – раз за разом повторяла миссис Беннет, как будто заслуга в пролившемся дожде принадлежала исключительно ей. Однако до следующего утра она не осознавала всей выигрешности своего замысла. Едва завтрак закончился, как слуга из Незерфилда принес Элизабет следующую записку:

«Моя дорогая Лиззи,

Сегодня утром я почувствовала себя очень плохо, что, полагаю, можно объяснить тем, что я промокла вчера вечером. Мои добрые друзья не хотят слышать о моем возвращении до тех пор, пока мне не станет лучше. Они также настаивают на том, чтобы меня осмотрел мистер Джонс, поэтому не беспокойтесь, если услышите, что он был у меня, и, если не считать неприятных ощущений в горле и головной боли, со мной все в порядке.

Твоя и т. д.».

– Что ж, моя дорогая, – сказал мистер Беннет, когда Элизабет прочитала записку вслух, – если у вашей дочери случится опасный приступ болезни, если она умрет, то было бы настоящим утешением знать, что все это было ради ее же блага с целью привлечь внимание мистера Бингли, к тому же по вашему указанию.

– Ах! Не боюсь я ее смерти. Никто еще не умер от пустяковой простуды. О ней будут хорошо заботиться. Пока она остается там, все складывается наилучшим образом. Я бы сама поехала к ней, если бы у меня была карета.

Элизабет, очень беспокоясь, решила, однако, проведать сестру, хотя кареты по-прежнему не было; а поскольку она не умела ездить верхом, ее единственной альтернативой была пешая прогулка. Она объявила о своем решении.

– Как ты можешь быть настолько неразумной, – воскликнула ее мать, – чтобы думать о подобном при всей этой распутице! Когда ты доберешься туда, ты будешь выглядеть ужасно.

– Тем не менее, это не помешает мне увидеть Джейн, а это и есть все, чего я хочу.

– Ты мне намекаешь, Лиззи, – сказал ее отец, – что я должен послать за лошадьми?

– Вовсе нет, я действительно не прочь прогуляться. Расстояние значит не так много, когда у человека есть цель. Тут всего три мили, и я вернусь к ужину.

– Я восхищаюсь тем, на что ты готова вследствие твоей добросердечности, – заметила Мэри, – но всякий порыв чувства должен подчиняться разуму, и, по моему мнению, усилия всегда должны быть соразмерны тому, в чем существует необходимость.

– Мы проводим тебя до Меритона, – предложили Кэтрин и Лидия. Элизабет не возражала, и три девушки вместе отправились в путь.

– Если мы поторопимся, – предположила Лидия, как только они вышли, – возможно, мы сможем увидеть капитана Картера, прежде чем он уедет.

В Меритоне они расстались: две младшие направились к квартире одной из офицерских жен, а Элизабет продолжила свою прогулку в одиночестве, быстрым шагом пересекая поле за полем, ловко преодолевая изгороди и перепрыгивая через лужи, и наконец оказалась у цели своего похода, с уставшими лодыжками, грязными чулками и лицом, раздумывавшимся от быстрой ходьбы.

Ее провели в зал для завтраков, где собрались все, кроме Джейн, и где ее появление вызвало немалое удивление. То, что она прошла три мили столь ранним утром, по такой распутице и к тому же одна, было почти невероятным для миссис Херст и мисс Бингли; и Элизабет была убеждена, что они, с присущим им высокомерием, не одобряют ее поступок. Однако приняли они ее очень вежливо, а в обращении их брата было что-то большее, чем вежливость – расположенность и доброта. Мистер Дарси говорил очень мало, а мистер Херст вообще молчал. Первый не мог выбрать между восхищением свежестью, которую прогулка придала ее лицу, и сомнением в том, что причина оправдывает ее прогулку столь далеко и в одиночестве. Последний не думал ни о чем, кроме своего завтрака.

На ее расспросы о состоянии сестры ответы были не очень утешительными. Мисс Беннет спала плохо, и, хотя она и встала, ее сильно лихорадило, и она не смогла выйти из комнаты. Элизабет была рада, что ее немедленно проводили к ней. Джейн, которая слишком боялась вызвать тревогу у родных или причинить им неудобства, не выразив в своей записке, как сильно она жаждет такого визита, очень обрадовалась ее появлению. Однако она была еще

слаба и не способна к долгому разговору, и когда мисс Бингли собралась оставить их наедине, она не могла сделать ничего более, кроме как выразить свою благодарность за необыкновенную доброту, с которой к ней относились. Элизабет молча выслушала ее.

Когда завтрак закончился, к ним присоединились сестры, и Элизабет несколько улучшила свое мнение, когда увидела, сколько внимания и заботы они проявляли к Джейн. Пришел аптекарь и, осмотрев пациентку, сказал, как и следовало ожидать, что она сильно простудилась и надо постараться выздороветь, посоветовал ей вернуться в постель и прописал какие-то лекарства. Совету с готовностью последовали, поскольку симптомы лихорадки усилились, а головная боль не проходила. Элизабет ни на минуту не покидала комнату, а другие дамы по большей части отсутствовали; джентльмены тоже не появлялись, они, по сути, больше ничем не могли помочь.

Когда часы пробили три, Элизабет почувствовала, что ей пора возвращаться, и очень неохотно объявила об этом. Мисс Бингли предложила карету, и ей пришлось даже немного настоять, чтобы Элизабет приняла ее предложение, а когда Джейн проявила заметное огорчение при расставании с ней, мисс Бингли была вынуждена заменить предложение кареты приглашением остаться на время в Незерфилде. Элизабет с радостью согласилась, и в Лонгборн был отправлен слуга, чтобы дать знать семье о том, что она задержится, и привезти кое-что из одежды для нее.

Глава 8

В пять часов обе дамы отправились одеваться, а в половине седьмого Элизабет известили, что ужин подан. Отвечая на посыпавшиеся затем любезные вопросы, среди которых она с удовольствием отметила гораздо более выраженную заботу со стороны мистера Бингли, она не смогла дать сколько-нибудь утешительных ответов. У Джейн все было по-старому. Сестры, услышав такое, повторили раза три или четыре, как они огорчены, как ужасно было схватить такую сильную простуду и как сами они не любят болеть, и затем больше не возвращались к этой теме, и их безразличие по отношению к Джейн, хотя и не демонстрируемое явно, вернуло Элизабет прежнее чувство неприязни к ним.

Действительно, их брат был единственным из всей компании, к кому она могла относиться с какой-то теплотой. Его тревога за Джейн была искренней, а его внимание к ней самой было подкупающим, и все это позволяло ей не чувствовать себя незваной гостьей в той степени, как, по ее мнению, считали другие. Никто, кроме него, почти не обращал на нее внимания. Мисс Бингли была поглощена мистером Дарси, как, впрочем, и ее сестра, а что касается мистера Херста, рядом с которым сидела Элизабет, то он вообще был апатичным человеком, жившим только для того, чтобы есть, пить и играть в карты, который, когда обнаружил, что Элизабет предпочитает незатейливые блюда рагу, даже не нашелся, что ей сказать.

Когда ужин закончился, она сразу вернулась в комнату Джейн, а мисс Бингли начала критиковать ее, как только Элизабет покинула столовую. Ее манеры были признаны бесспорно очень плохими, сочетавшими гордость с дерзостью, у нее не было обнаружено ни навыков вести беседу, ни стиля, ни красоты. Миссис Херст думала так же и добавила:

– Короче говоря, ее не за что похвалить, разве что за способность совершать пешие прогулки. Я никогда не забуду ее появление этим утром. Она в самом деле выглядела почти дикаркой.

– Действительно, Луиза. Я едва смогла сохранить самообладание. Было вообще лишено какого-либо смысла приходить сюда! Разве она должна носиться по полям и лугам из-за того, что ее сестра простудилась? Да и прическа у нее такая неопрятная, в совершенном беспорядке!

– А ее нижняя юбка! Надеюсь, вы обратили внимание на ее нижнюю юбку – вся в грязи, я думаю, дюймов на шесть; а платье, которое пришлось приспустить, чтобы скрыть все это безобразия.

– Ваше описание может быть очень точным, Луиза, – возразил Бингли, – но все это не привлекло моего внимания. Мне показалось, что мисс Элизабет Беннет выглядела в высшей степени привлекательно, когда сегодня утром вошла в комнату. Ее грязная нижняя юбка совершенно ускользнула от моего внимания.

– Но вы-то заметили это, мистер Дарси, я уверена, – настаивала мисс Бингли. – И я склоняюсь к мысли, что вам не хотелось бы, чтобы ваша сестра предстала в подобном виде.

– Конечно, нет.

– Пройти три, или четыре, или пять миль, или сколько там еще, по щиколотку в грязи, одной, совсем одной! Что она могла этим доказать? Мне кажется, это демонстрирует несносную, показную независимость, насквозь провинциальное пренебрежение приличиями.

– Это доказывает привязанность к сестре, и это очень похвально, – ответил Бингли.

– Подозреваю, мистер Дарси, – заметила мисс Бингли полушепотом, – что это приключение несколько уменьшило ваше восхищение ее прекрасными глазками.

– Вовсе нет, – ответил тот, – они сияли даже ярче после прогулки.

Последовала короткая пауза, но миссис Херст не удержалась и продолжила:

– Я очень хорошо отношусь к мисс Джейн Беннет, она действительно очень милая девушка, и я всем сердцем желаю, чтобы она хорошо устроилась. Но с такими отцом и матерью, с родственниками столь низкого происхождения, боюсь, шансов на это у нее нет.

– Мне кажется, вы говорили, что их дядя – стряпчий в Меритоне.

– Да, и у них есть еще один дядя, который живет где-то в Чипсайде.

– Это великолепно, – с иронией заключила сестра, и они обе от души рассмеялись.

– Да будь у них достаточно дядей, чтобы заполнить всю Чипсайд, – воскликнул Бингли, – это не сделало бы их ни на йоту менее приятными.

– Но это существенно снижает их шансы выйти замуж за мужчин из достойного сословия, – ответил Дарси.

На это замечание Бингли ничего не ответил, но сестры его с энтузиазмом согласились и какое-то время развлекались, подшучивая над вульгарными родственниками своей дорогой подруги.

Однако, выйдя из столовой, с вновь воскресшей нежностью они направились в комнату Джейн и сидели с ней, пока их не позвали пить кофе. Она все еще была очень плоха, и Элизабет ни на шаг не отходила от нее до позднего вечера, пока не убедилась, что та заснула. Ей показалось скорее правильным, чем приятным, что она должна спуститься вниз. Войдя в гостиную, она застала всю компанию за игрой в карты, и ее тотчас же пригласили присоединиться к ним, но, подозревая, что делается это только из любезности, она отказалась и, ссылаясь на состояние сестры, сказала, что то короткое время, пока она сможет оставаться внизу, она предпочитает посидеть с книгой. Мистер Херст посмотрел на нее с недоумением.

– Вы предпочитаете чтение картам? – удивился он. – Это довольно необычно.

– Мисс Элиза Беннет, – сказала мисс Бингли, – считает карты недостойным занятием. Она увлекается чтением и не получает удовольствия ни от чего другого.

– Я не заслуживаю ни такой похвалы, ни такого порицания, – воскликнула Элизабет. – Я не очень увлеченный читатель, и многое другое тоже доставляет мне удовольствие.

– Я уверен, что вы получаете удовольствие, ухаживая за своей сестрой, – пришел на выручку Бингли, – и я надеюсь, что вскоре оно станет еще более полным, когда вы увидите, что ей становится лучше.

Элизабет поблагодарила его от всего сердца, а затем подошла к столу, на котором лежало несколько книг. Он немедленно предложил принести ей остальные – все, чем располагала его библиотека.

– Мне бы хотелось, чтобы мое собрание принесло вам как можно больше пользы и улучшило бы мою репутацию, я ведь человек праздный, и хотя книг у меня немного, но их все же больше, чем я когда-либо прочту.

Элизабет заверила его, что прекрасно обойдется теми, что находятся в комнате.

– Какая жалость, – сказала мисс Бингли, – что наш отец оставил такую небольшую коллекцию книг. Какая восхитительная библиотека у вас в Пемберли, мистер Дарси!

– Такой она и должна быть, – ответил тот, – ведь это результат трудов многих поколений.

– Да и вы, в свою очередь, столько всего к этому добавили, ведь вы все время покупаете книги.

– Я не смог бы понять пренебрежения семейной библиотекой в наше время.

– Пренебрегать! Я уверена, что вы не пренебрегаете ничем, что могло бы добавить красоты столь благородному месту. Чарльз, когда ты задумаешь завести свой собственный дом, я бы хотела, чтобы он был хоть в половину таким же восхитительным, как Пемберли.

– Мне и самому хотелось бы этого.

– Но я бы настоятельно посоветовала тебе купить что-нибудь в тех краях и взять Пемберли за своего рода образец. В Англии нет более прекрасного графства, чем Дербишир.

– Со всем моим удовольствием. Я готов купить сам Пемберли, если Дарси продаст его.

– Я говорю о том, что действительно возможно, Чарльз.

– Честное слово, Кэролайн, я думаю, что для обладания Пемберли лучше его купить, чем пытаться повторить.

Элизабет была настолько захвачена происходящим, что почти не уделяла внимания своей книге; и вскоре, полностью отложив ее в сторону, она подошла к карточному столу и встала между мистером Бингли и его старшей сестрой, наблюдая за игрой.

– Мисс Дарси сильно подросла с весны? – спросила мисс Бингли, – она будет такой же высокой, как я?

– Я думаю, что так и будет. Сейчас она примерно одного роста с мисс Элизабет Беннет, пожалуй, даже выше.

– Как я хочу увидеть ее снова! Я никогда не встречал никого, кто бы так восхищал меня. Какое достоинство, какие манеры! И очень развита для своего возраста! Ее игра на фортепиано восхитительна.

– Меня удивляет, – сказал Бингли, – как молодые леди могут быть настолько усердными и добиваться таких успехов.

– Прямо-таки все барышни совершенны! Мой дорогой Чарльз, что ты имеешь в виду?

– Да, я думаю, все. Все они пишут акварели, разрисовывают экраны для каминов и вышивают кошельки. Едва ли я припомню какую-нибудь, которая не могла бы делать все это, и я уверен, что никогда не слышал, чтобы о молодой девушке заговорили, не упомянув о том, что она весьма искусна.

– Твой список значительных достижений, – сказал Дарси, – говорит сам за себя. Это слово относят ко многим женщинам, которые заслуживают его, всего лишь украсив сумочку или расписав экран. Но я очень далек от того, чтобы согласиться с тобой в оценке дам вообще. Я не могу похвастаться тем, что знаю более полудюжины дам из всего моего круга знакомых, которые были бы действительно совершенны.

– Уверена, я тоже, – поддержала его мисс Бингли.

– В таком случае, – заметила Элизабет, – вы, должно быть, очень ясно представляете, какова она, совершенная женщина.

– Да, думаю, что это так.

– Ах! Ну конечно, – воскликнула его преданная сторонница, – нельзя считать по-настоящему совершенным того, кто не превосходит значительно других, тех, с кем обычно приходится общаться. Чтобы заслужить это слово, женщина должна обладать совершенными навыками в музыке, пении, рисовании, танцах и современных языках; и, кроме всего этого, у нее должно быть что-то особенное в ее манере поведения и походке, тоне ее голоса, в том, как она обращается к другим и ведет с ними беседу, иначе ее оценка будет лишь наполовину заслуженной.

– Всем этим она, безусловно, должна обладать, – согласился Дарси, – и ко всему сказанному она должна добавить еще нечто более существенное – стремление к развитию своего ума посредством постоянного чтения.

– Меня больше не удивляет, что вы знаете только шесть культурных женщин. Теперь я скорее удивляюсь, что вы вообще кого-то знаете.

– Неужели вы столь строги к своему полу, что сомневаетесь в возможности всего этого?

– Я никогда не встречала такой женщины. Я никогда не видела проявлений требуемых вами способностей, вкуса, прилежания и элегантности, которые бы соединились в одном человеке.

Миссис Херст и мисс Бингли стали возмущаться несправедливостью высказываемых ею сомнений и обе заявили, что знают многих женщин, соответствующих этому описанию, но мистер Херст призвал их к порядку, горько жалуясь на их невнимание к тому, что ждет их всех. Поскольку на этом споры утихли, Элизабет вскоре покинула комнату.

– Элизабет Беннет, – сказала мисс Бингли, когда за ней закрылась дверь, – одна из тех молодых леди, которые стремятся подняться в мнении представителей другого пола, принижая свой собственный; и, осмелюсь сказать, многие мужчины на это попадают. Но, по-моему, это жалкий прием, очень низкая уловка.

– Несомненно, – ответил Дарси, которому главным образом было адресовано это замечание, – во всех хитростях, к которым дамы иногда прибегают для пленения джентльменов, присутствует коварство. А все, что имеет сходство с хитростью, заслуживает осуждения.

Элизабет снова присоединилась к ним только для того, чтобы сказать, что ее сестре по-прежнему нехорошо и она не может ее оставить. Бингли заявил, что следует немедленно послать за мистером Джонсом, а его сестры, убежденные в бесполезности советов деревенского лекаря рекомендовали срочно послать в столицу за одним известным им выдающимся врачом. Кэрлайн, по размышлению, сочла это несколько излишним, но она не так уж и возражала против предложения брата; в конце концов было решено, что за мистером Джонсом пошлют рано утром, если мисс Беннет не станет значительно лучше. Бингли чувствовал себя весьма неуютно, а его сестры заявили, что чувствуют себя несчастными. Однако они облегчили свое горе, исполняя дуэты после ужина, а он не мог найти лучшего способа успокоить свои душевные страдания, чем дать своей экономке указание уделять все внимание больной леди и ее сестре.

Глава 9

Элизабет провела вечер в комнате сестры, а утром имела удовольствие передать через горничную утешительные новости мистеру Бингли, а некоторое время спустя также ответить на вопросы обеих элегантных леди, выразивших озабоченность состоянием ее сестры. Однако, несмотря на заметное улучшение здоровья Джейн, она воспользовалась любезностью хозяев и отправила в Лонгборн записку, в которой просила свою мать навестить ее и составить собственное мнение о состоянии дочери. Записка была отправлена, и ее просьба была исполнена без промедления. Миссис Беннет в сопровождении двух своих младших дочерей прибыла в Незерфилд вскоре после того, как семья управилась с завтраком.

Если бы она обнаружила, что Джейн находится в малейшей опасности, миссис Беннет, пожалуй, была бы очень расстроена, но, увидев ее и убедившись, что болезнь дочери не вызывает тревоги, она уже не желала, чтобы та немедленно пошла на поправку, так как в случае ее полного выздоровления ей, вероятно, пришлось бы покинуть Незерфилд. Поэтому миссис Беннет не откликнулась на просьбу дочери забрать ее домой, да и аптекарь, приехавший примерно в то же время, не считал это целесообразным. Посидев немного с Джейн и дождавшись появления мисс Бингли, мать и три дочери без лишних слов приняли ее приглашение и спустились все вместе в комнату для завтраков. Бингли встретил их с выражениями надежды на то, что миссис Беннет не нашла мисс Беннет в состоянии худшем, чем она могла бы ожидать.

– Увы, сэр, – был ее ответ. – Она еще слишком слаба, чтобы ее можно было перевезти домой. Мистер Джонс говорит, что нам пока не следует думать об этом. Боюсь, мы будем вынуждены еще немного злоупотребить вашей любезностью.

– Перевезти! – воскликнул Бингли. – Об этом не следует даже заикаться. Моя сестра, я уверен, не захочет даже слушать об этом.

– Вы можете быть уверены, мадам, – подтвердила мисс Бингли с холодной вежливостью, – что мисс Беннет будет окружена всемерным вниманием, пока она будет оставаться с нами.

Миссис Беннет не могла сдержать потока своих благодарностей.

– Я уверена, – сказала в заключение она, – если бы не такие добрые друзья, не знаю, что бы с ней стало, она действительно очень серьезно больна и сильно страдает, хотя и проявляет величайшее терпение, но с ней всегда так. У нее самый отзывчивый характер, который я когда-либо встречала. Я часто повторяю своим девочкам, что им далеко до нее. К слову сказать, эта комната просто прекрасна, мистер Бингли, из нее открывается очаровательный вид на аллею. Я не знаю места в округе, которое могло бы сравниться с Незерфилдом. Надеюсь, вы не подумываете о том, чтобы в спешке оставить его в ближайшее время, хотя и арендовали вы его всего лишь на короткий срок.

– Все, что я делаю, делается в спешке, – признался Бингли, – и поэтому, если я решу покинуть Незерфилд, меня, вероятно, не будет в нем пятью минутами позже. Однако в настоящее время я считаю, что пробуду здесь долго.

– Именно этого я и ожидала от вас, – сказала Элизабет.

– Вы начинаете меня понимать, не так ли? – воскликнул он, поворачиваясь к ней.

– О, да, я прекрасно вас понимаю!

– Мне хотелось бы считать это комплиментом, но боюсь, что я весь как на ладони, и это не радует меня.

– Так бывает. Из чего вовсе не следует, что сильный, причудливый характер заслуживает большего или меньшего уважения, чем такой, как ваш.

– Лиззи, – вскричала ее мать, – не забывай, где ты находишься, и не говори так много и так необдуманно, как тебе дозволено это делать дома.

– А я и не знал, – тут же продолжил Бингли, – что вы склонны к изучению людских характеров. Это должно быть увлекательное занятие.

– Да, и причудливые персонажи оказываются самыми интересными. По крайней мере, это делает их притягательными.

– Провинция, – заметил, однако, Дарси, – в целом может предоставить лишь редкие образцы для подобного исследования. В сельской местности вы существуете в очень ограниченном и мало меняющемся обществе.

– Но люди сами настолько подвержены изменениям, что в них всегда можно обнаружить что-то новое.

– Да, именно так, – воскликнула миссис Беннет, оскорбленная до глубины души его манерой говорить о провинции. – Уверяю вас, в маленьких городках происходит не меньше важного и интересного, чем в столице.

Все пришли в изумление от такого заявления, а Дарси, взглянув на нее, предпочел промолчать и отвернулся. Миссис Беннет, вообразившая, что одержала над ним полную победу, решила закрепить свой триумф.

– Я не нахожу, что у Лондона есть сколько-нибудь значительное преимущество перед провинцией, кроме, разве что, магазинов и общественных мест. Наши края намного приятнее, не так ли, мистер Бингли?

– Когда я нахожусь в деревне, – ответил он, – мне никогда не хочется покидать ее; а когда я в городе, то испытываю почти то же самое. У каждого из этих мест есть свои преимущества, и я могу быть одинаково счастлив повсюду.

– Да, и это потому, что у вас замечательный характер. Но этот джентльмен, – и миссис Беннет взглянула на Дарси, – как мне показалось, имел в виду, что провинция вообще ничего из себя не представляет.

– Право, мама, вы ошибаетесь, – возразила Элизабет, испытывая неловкость из-за речей матери. – Вы совершенно ошиблись относительно слов мистера Дарси. Он имел в виду только то, что в деревне не так много разных людей, как в городе, и это, надо признать, справедливо.

– Конечно, моя дорогая, никто не утверждал, что у нас их столько же; но что касается не ничего не значащих встреч на улицах со многими людьми, то я считаю, что в наших краях круг общения может быть и поболее. Вспомни, у нас порой обедает до двадцати четырех семей.

Только расположение к Элизабет помогало Бингли сохранять обычное благодушие. Его сестра была менее деликатной и с весьма выразительной улыбкой посмотрела на мистера Дарси. Элизабет, чтобы как-то отвлечь мать от опасной темы, спросила ее, не появлялась ли Шарлотта Лукас в Лонгборне во время ее отсутствия.

– Да, она приезжала вчера вместе с отцом. Какой приятный человек сэр Уильям, мистер Бингли, вы согласитесь со мной? Какой вкус! Как благороден и легок в общении! У него всегда найдется, что сказать каждому. Именно так я представляю идеал хорошего воспитания; те же люди, которые воображают себя очень важными и лишнего слова не вымолвят, имеют ложное представление об этом.

– Шарлотта обедала с вами?

– Нет, ей пришлось вернуться домой. Могу предположить, что ее ждали там, чтобы печь пироги. Что касается меня, мистер Бингли, я всегда держу прислугу, которая делает всю работу по дому; мои дочери воспитаны совсем по-другому. Но каждый должен судить сам, при этом Лукасы – очень хорошие девушки, уверяю вас. Жаль, что не красавицы! Не то чтобы я считала Шарлотту какой-то слишком некрасивой, она ведь наш близкий друг.

– Она показалась мне очень приятной молодой женщиной.

– Ах, дорогой мистер Бингли, не стану спорить, но согласитесь, она уж точно не блещет красотой. Сама леди Лукас часто говорила это и завидовала красоте Джейн. Я не люблю хвастаться собственным ребенком, но, согласитесь, нечасто увидишь кого-нибудь красивее

Джейн. Все так говорят. Я могу быть пристрастной, но когда ей было всего пятнадцать, у моего брата Гардинера в столице был знакомый джентльмен, который так сильно в нее влюбился, что моя невестка была уверена, что он сделает ей предложение еще до нашего отъезда. Увы, этого не случилось. Возможно, он посчитал ее слишком молодой. Однако он посвятил ей несколько стихотворений, и они были чудо как хороши.

– Вот чем закончилась его привязанность, – поспешила вступить в разговор Элизабет. – Мне кажется, многие из увлечений успокаиваются таким же образом. Интересно, кто первым обнаружил эффективность поэзии в избавлении от влюбленности!

– Я привык считать поэзию пищей для любви, – возразил Дарси.

– Быть может, в случае прекрасной, крепкой и беспорной любви это так. Все идет на пользу тому, что уже сильно. Но если это всего лишь легкое, необременительное увлечение, я убеждена, что один хороший сонет полностью истощит его.

Дарси только улыбнулся в ответ; и последовавшая за этим общая пауза заставила Элизабет напрячься, опасаясь, что ее мать снова напомнит о себе. Она сама была не прочь поговорить, но на ум не приходило, куда направить разговор; и после недолгой паузы миссис Беннет начала повторять благодарности мистеру Бингли за его доброту к Джейн, извиняться за то, что та побеспокоила его и выражать признательность за внимание к Лиззи. Мистер Бингли был как всегда обходителен в своем ответе и тем заставил свою младшую сестру тоже быть учтивой и сказать все, что требовал случай. Она же исполнила свою роль без особой любезности, но миссис Беннет осталась довольна и вскоре после этого велела подавать карету. По этому сигналу младшая из ее дочерей решила взять инициативу в свои руки. В течение всего визита девушки перешептывались друг с другом, и в результате самая младшая из них с упреком напомнила мистеру Бингли, что он при своем первом появлении в городке обещал устроить бал в Незерфилде.

Лидия была плотной, крупной девушкой лет пятнадцати, с прекрасным цветом лица и жизнерадостным выражением на нем. Она было любимицей матери, чья привязанность вывела ее в общество в довольно раннем возрасте. У нее был живой характер и какая-то природная раскованность. Всеобщее внимание офицеров, которому способствовали хорошие обеды, даваемые ее дядей, и собственные непринужденные манеры обернулись в данном случае некоторой бестактностью. Она посчитала возможным на равных обратиться к мистеру Бингли по поводу бала и неделикатно напомнить ему о его обещании, намекнув к тому же, на ущерб, который он нанес бы своей репутации, если бы не сдержал данного слова. Его ответ на этот внезапный выпад был приятен уху их матери:

– Уверяю вас, я решительно настроен исполнить свое намерение, и как только ваша сестра поправится, вы, надеюсь, сможете сами назначить день бала. Думаю, вы не захотите танцевать, пока Джейн больна.

Лидия заявила, что вполне удовлетворена.

– Без сомнения, будет гораздо лучше подождать, пока Джейн поправится, и к тому времени, скорее всего, капитан Картер вернется в Меритон. А когда вы дадите свой бал, – добавила она, – я буду настаивать на том, чтобы офицеры ответили тем же. Я скажу полковнику Форстеру, что будет очень недостойно, если он этого не сделает.

Исполнив таким образом долг, миссис Беннет и ее младшие дочери покинули Незерфилд, а Элизабет тотчас же вернулась к Джейн, предоставив двум дамам и мистеру Дарси полную свободу обсуждать ее манеры и поведение ее родственников; последний, однако, не был склонен присоединяться к злословию в их адрес, несмотря на все остроты мисс Бингли с упоминанием прекрасных глазок.

Глава 10

В остальном день прошел почти так же, как и предыдущий. Миссис Херст и мисс Бингли с утра провели несколько часов у больной, которая продолжала, хотя и не так быстро, поправляться, а вечером Элизабет присоединилась к их компании в гостиной. Однако большая карточная партия так и не состоялась. Мистер Дарси писал, а мисс Бингли, сидевшая рядом с ним, следила за процессом написания письма и постоянно отвлекала внимание обращениями к его сестре. Мистер Херст и мистер Бингли развлекались, играя в пикет, а миссис Херст наблюдала за их игрой.

Элизабет занялась рукоделием и при этом не без удовольствия наблюдала за тем, что происходило между Дарси и его соседкой. Постоянные похвалы дамы то его почерку, то ровности выписываемых строк, то длине письма, в сочетании с полным равнодушием, с каким воспринимались похвалы, придавали особый оттенок странному диалогу, и все это было в полном соответствии с ее мнением о каждом.

– Как будет рада мисс Дарси получить такое письмо!

Он промолчал.

– Вы пишете необычайно быстро.

– Вы ошибаетесь. Я пишу довольно медленно.

– Сколько писем вам приходится написать в течение года! Еще и деловые письма! Как я их ненавидела бы!

– Вот видите, как удачно вышло, что писать их выпало на мою долю, а не на вашу.

– Будьте добры, напишите своей сестре, что я очень хочу ее увидеть.

– Я уже недавно писал ей об этом по вашей просьбе.

– Боюсь, вам не нравится ваше перо. Позвольте мне заострить его для вас. Я прекрасно умею делать это.

– Спасибо, но я всегда сам подтачиваю свои перья.

– Как вы умудряетесь писать так ровно?

Он промолчал.

– Передайте своей сестре, что я рада слышать о ее успехах в игре на арфе, и, пожалуйста, сообщите ей, что я в полном восторге от ее прекрасной вышивки на скатерти. Я считаю, что она бесспорно превосходит ту, что сделала мисс Грантли.

– Вы позволите мне отложить сообщение о ваших восторгах до тех времен, когда я буду писать следующее письмо? В теперешнем у меня не осталось места, чтобы достойно изложить их.

– Ах! Это не имеет никакого значения. Я увижу ее в январе. Но вы всегда пишете ей такие очаровательные длинные письма, мистер Дарси?

– Обычно они действительно длинные, но всегда ли очаровательные, не мне судить.

– Я убеждена, человек, который может с легкостью написать длинное письмо, не может написать его плохо.

– Это не будет комплиментом Дарси, Кэролайн, – возразил ее брат, – потому что он пишет не с такой уж легкостью. Уж очень он старается использовать как можно больше четырехсложных слов. Верно, Дарси?

– Мой стиль письма сильно отличается от твоего.

– Еще бы! – воскликнула мисс Бингли. – Чарльз пишет самым небрежным образом, какой только можно себе вообразить. Половину слов он пропускает, а оставшиеся вымарывает.

– Мои мысли бегут так быстро, что у меня не хватает времени их выразить, и поэтому написанные мной письма иногда вообще не сообщают корреспондентам ни о каких моих суждениях.

– Ваша кротость, мистер Бингли, – поддержала его Элизабет, – должна пресекать любые порицания.

– Нет ничего более обманчивого, – возразил Дарси, – чем видимость смирения. Зачастую это лишь проявление легкомыслия, а иногда и завуалированное бахвальство.

– И которой из этих двух ты назвал бы мою только что декларированную кротость?

– Завуалированное бахвальство, ибо ты действительно гордишься своими недостатками в написании писем, потому что считаешь их проистекающими от быстроты мысли и непринужденности исполнения, что, по твоему мнению, если и не достойно похвалы, то, по крайней мере, весьма мило. Присущая самому себе способность делать что-либо быстро всегда высоко ценится человеком, и часто он считает несущественным несовершенство исполнения. Когда сегодня утром ты сказал миссис Беннет, что если ты когда-нибудь решишь покинуть Незерфилд, то уедешь через пять минут, ты имел в виду, что это является своего рода похвалой, комплиментом самому себе – и все же, что же такого похвального в поспешности? То, что придется оставить невыполненными очень важные дела и это не принесет никакой реальной пользы ни тебе, ни кому-либо еще?

– Ну нет, – воскликнул Бингли, – это уж слишком, вспоминать вечером все глупости, сказанные утром. И все же, клянусь честью, я считаю то, что я сказал о себе, правдой и верю в это в данный момент. По крайней мере, я не приписывал своему характеру излишнюю поспешность только лишь для того, чтобы покрасоваться перед дамами.

– Осмелюсь утверждать, что ты сам поверил в это, но я вовсе не уверен, что ты уехал бы с такой поспешностью. Твое поведение будет столь же зависеть от обстоятельств, как и поведение любого человека, которого я знаю; и если бы тебе, когда ты уже садился на лошадь, твой друг сказал: – Бингли, останься до следующей недели, ты, вероятно, сделал бы это и, возможно, не поехал бы – другими словами, мог бы остаться еще на месяц.

– Этим вы только доказали, – заметила Элизабет, – что мистер Бингли поскромничал, описывая свой характер. Теперь вы продемонстрировали его достоинства гораздо лучше, чем он сам.

– Я чрезвычайно признателен за то, что вы превратили слова моего друга в комплимент моему бесхитроственному характеру, – поблагодарил ее Бингли. – Но я боюсь, что вы представляете нам все так, как этот джентльмен ни в коем случае не имел в виду, ибо он наверняка был бы обо мне лучшего мнения, если бы в предложенных обстоятельствах я категорически отказался следовать совету и ускакал бы так быстро, как только смог.

– Будет ли тогда мистер Дарси считать, что опрометчивость ваших первоначальных намерений искупается вашей последовательностью в следовании им?

– Честно говоря, я не смогу точно объяснить, Дарси должен сделать это сам.

– Вы ожидаете, что я начну отстаивать суждения, которые вы приписываете мне, хотя я их никогда не высказывал. Однако, допуская, что дело обстоит так, как вы его представляете, вам следует помнить, мисс Беннет, что друг, который, как предполагается, считает его возвращение в дом и отсрочку опрометчивого плана разумными, просто высказал свое мнение, попросил об этом, не приводя ни единого аргумента в пользу его целесообразности.

– Без колебаний поддаться уговорам друга – это, по-вашему, не достоинство для человека.

– Уступать, не будучи убежденным аргументами – это не добродетель в любом случае.

– Мне кажется, мистер Дарси, что вы не допускаете никакого влияния дружбы и привязанности. Уважение к просителю часто заставляет человека с готовностью уступить просьбе, не дожидаясь, пока аргументы убедят его в целесообразности этого. Я говорю не о той ситуации, в которую вы для примера поместили мистера Бингли. Возможно, нам стоит подождать, пока возникнут реальные обстоятельства, прежде чем обсуждать благоразумие его поведения в этих условиях. Но в обыденных случаях между двумя друзьями, когда один из них желает, чтобы

другой изменил решение, не имеющее серьезных последствий, станете ли вы думать плохо об этом человеке только потому, что он исполнил желание, не дожидаясь, пока тот его уговорит?

– Не будет ли целесообразным, прежде чем мы углубимся в обсуждение данного предмета, определить с несколько большей точностью степень важности самой просьбы, а также степень близости отношений между сторонами?

– Во всяком случае, давайте примем во внимание все особенности, – воскликнул Бингли, – не забывая их сравнительные рост и вес, поскольку это, мисс Беннет, повлияет на весомость аргументов сторон в гораздо большей степени, чем вы можете себе представить. Уверяю вас, если бы Дарси не был таким громилой по сравнению со мной, я не оказывал бы ему и половины нынешнего уважения. Я категорически заявляю, что не знаю более ужасного субъекта, в определенных случаях и в определенных местах, чем Дарси, особенно у себя дома в воскресный вечер, когда ему нечего делать.

Мистер Дарси улыбнулся, но Элизабет показалось, что его это описание задело, и поэтому она сдержала свой смех. Мисс Бингли пылко возмутилась унижением, которому его подвергли, и стала упрекать брата за то, что он говорит такую чушь.

– Я понял твой замысел, Бингли, – отреагировал его друг. – Тебе не нравятся споры, и ты хочешь погасить их.

– Возможно, это и так. Ведь даже простой обмен аргументами спорящими слишком похож на ссору. Если вы с мисс Беннет сделаете паузу и дадите мне время, чтобы выйти из комнаты, я буду вам премного благодарен, а вы, в свою очередь, сможете говорить обо мне все, что захотите.

– То, о чем вы просите, – сказала Элизабет, – не станет одолжением с моей стороны, да и мистеру Дарси лучше бы закончить свое письмо.

Мистер Дарси последовал ее совету и вновь принялся писать.

Когда дело было закончено, он обратился к мисс Бингли и Элизабет, выразив желание послушать музыку. Мисс Бингли с завидной живостью направилась к фортепиано и после любезного предложения Элизабет сыграть первой, которое та столь же вежливо, но категорически отвергла, она уселась за инструмент.

Миссис Херст присоединила свой голос к голосу сестры, и пока они упражнялись в пении, Элизабет обратила внимание, перелистывая нотные альбомы, лежавшие на инструменте, как часто взгляд мистера Дарси был устремлен на нее. Она затруднялась предположить, что может быть причиной столь заметного интереса со стороны такого важного человека; но еще более странно было то, что он обратил на нее внимание вопреки ранее высказанным сомнениям в ее привлекательности. Однако в конце концов ей пришла в голову мысль, что она могла возбудить его любопытство тем, что, согласно его воззрениям, ее взгляды и поведение были более неправильными и неприемлимыми, чем у других присутствующих. Это предположение не огорчило ее. Слишком невысоким было ее мнение о нем, чтобы волноваться о его благорасположении.

Сыграв несколько итальянских песен, мисс Бингли решила внести оживление в атмосферу вечера шотландскими мелодиями; и вскоре после этого мистер Дарси, подойдя к Элизабет, обратился к ней:

– Нет ли у вас желания, мисс Беннет, воспользоваться случаем и станцевать шотландский рил?

Она улыбнулась, но ничего не ответила. Он повторил вопрос, несколько удивившись ее молчанию.

– Да-да! – сказала она. – Я услышала вас, но не могла сразу определиться, что сказать в ответ. Я знаю, вы хотели, чтобы я сказала – да, тогда вы могли бы с полным удовлетворением презирать мой низкий вкус, но мне всегда доставляет удовольствие разрушать подобные замыслы и лишать человека преднамеренного презрения по отношению к другим. Поэтому я

решила сказать вам, что вообще не хочу танцевать рил, а теперь осуждайте меня, если отважитесь.

– Вы правы, я не посмею.

Элизабет, намеревавшаяся бросить ему вызов, была сбита с толку его галантностью, но поскольку ее манерам естественным образом были присущи мягкость и лукавство, ей вряд ли удалось бы обидеть кого-нибудь; однако и ни одной женщине никогда не удавалось очаровать Дарси в такой степени, как это сделала Элизабет Беннет. Он действительно чувствовал, что если бы не сомнительность происхождения ее родственников, ему бы грозила серьезная опасность.

Мисс Бингли увидела или ощутила достаточно для того, чтобы в ней пробудилась ревность, и ее страстное желание выздоровления своей дорогой подруги Джейн дополнилось не менее горячим желанием избавиться от Элизабет.

Раз за разом она пыталась вызвать у Дарси неприязнь к госте, досажая ему шутками об их предполагаемом браке и саркастически описывая его счастье в таком союзе.

– Надеюсь, – сказала она, когда они на следующий день прогуливались по дорожкам парка, – когда произойдет это желанное событие, вы дадите вашей свекрови несколько советов о том, почему в некоторых случаях лучше придерживать язык; и если у вас получится, найдете управу на молодых девушек, которые бегают за офицерами. Ну а если вы позволите затронуть совсем уж щекотливую тему, найдите возможность держать под контролем поведение вашей избранницы, некоторые особенности которого отдают самонадеянностью и дерзостью.

– Есть ли у вас что-нибудь еще, что вы считаете необходимым для моего семейного счастья?

– О, да! Не забудьте поместить портреты новообретенных дядюшки и тетушки Филлипп в галерею Пемберли. Повесьте их рядом с портретом вашего двоюродного дедушки-судьи. Они же одной профессии, только в разных областях. Что касается портрета вашей Элизабет, то вы не должны поддаваться соблазну заказать его, ибо какой художник сможет передать красоту этих глазок?

– Вы правы, было бы непросто передать их выразительность, но их цвет, форму и изящность обрамляющих ресниц можно было бы запечатлеть.

В этот момент они встретились с миссис Херст и самой Элизабет, гуляющими по другой аллее.

– Я не знала, что вы тоже собираетесь на прогулку, – сказала мисс Бингли в некотором замешательстве, опасаясь, что их разговор был хорошо слышен.

– Вы дурно поступили с нами, – тут же выразила претензию миссис Херст, – сбежали и не предупредили нас, что вы тоже намерены выйти.

Затем, завладев свободной рукой мистера Дарси, она предоставила Элизабет идти одной. Ширина дорожки не была рассчитана на четверых. Мистер Дарси почувствовал их неделикатность и сразу предложил:

– Эта аллея недостаточно широка для нашей группы. Нам лучше перейти на главную.

Но Элизабет, не испытывавшая ни малейшего желания оставаться с ними, со смехом ответила:

– Нет-нет, прошу вас, продолжайте именно так. Вы образуете очаровательную группу и смотрите необычайно выигранно. Изысканность была бы испорчена включением четвертого. Всего хорошего.

Затем она резво удалилась, радуясь тому, как ловко она сбежала, и мечтая снова оказаться дома через день или два. Джейн уже стало настолько лучше, что она собиралась в тот вечер ненадолго выйти из комнаты.

Глава 11

Когда после обеда дамы удалились, Элизабет поднялась к сестре и, убедившись, что та надежно защищена от возможных сквозняков, помогла ей спуститься в гостиную, где ее встретили две подруги с горячими выражениями того удовольствия, которое они испытывают, увидев Джейн. Элизабет до сих пор ни разу не видела их столь любезными, как в течение часа, который прошел до появления джентльменов. Она с одобрением отметила их способность и желание поддерживать разговор: они могли интересно описать разные события, продемонстрировать чувство юмора, непринужденно рассказав анекдот, и живо поиронизировать над своими знакомыми.

Но когда появились джентльмены, Джейн сразу утратила статус главного объекта внимания. Весь интерес мисс Бингли мгновенно сосредоточился на Дарси, и еще до того, как он успел сделать хотя бы несколько шагов у нее возникла необходимость сказать ему кое-что. Он, однако, прежде всех вежливо поприветствовал мисс Беннет; мистер Херст тоже слегка поклонился ей и сообщил, что он – очень рад; а вот в приветствии Бингли явно ощущались беспокойство и теплота. Он был полон радости и внимания. Первые полчаса было потрачено им на то, чтобы развести огонь в камине и удостовериться, что она не пострадала от перемещения из комнаты в салон, затем поместить ее подальше от двери – по его настоянию, ей пришлось пересечь на другую сторону камина. Затем он сел рядом с ней и почти ни на кого более не обращал внимания. Элизабет, занимавшаяся своим рукоделием в противоположном углу салона, наблюдала за всем этим с большим удовлетворением.

Когда чайная процедура была завершена, мистер Херст напомнил невестке о том, что карточный стол ждет их, но реакции не последовало. Она поняла, что мистер Дарси не намерен играть, и мистер Херст вскоре обнаружил, что даже его ясно выраженное предложение составить партию отклонено. Мисс Бингли заверила его, что никто не расположен играть, и отсутствие возражений со стороны присутствующих, казалось, подтверждало это. Поэтому мистеру Херсту ничего не оставалось, как поудобнее расположиться на одном из диванов и задремать. Дарси углубился в книгу, мисс Бингли попыталась сделать то же самое, а миссис Херст, занятая главным образом разглядыванием собственных браслетов и колец, время от времени вставляла слово в разговор брата с мисс Беннет.

Внимание мисс Бингли было распределено между наблюдением за тем, как мистер Дарси читает книгу, и чтением ее собственной, к тому же она постоянно либо что-то спрашивала у него, либо подсматривала в его книгу. Однако ей так и не удалось вовлечь его в разговор – он лаконично ответил на ее вопрос и продолжил читать. Наконец, совершенно измученная попытками увлечься собственной книгой, которую она выбрала только потому, что это был второй том той, что выбрал Дарси, она, не удержавшись, зевнула и заявила:

– Как приятно проводить таким образом вечера! Без сомнения, нет большего удовольствия, чем чтение! Насколько быстрее устаешь от любого другого занятия, нежели от чтения! Когда у меня будет собственный дом, я буду чувствовать себя совершенно несчастной, если у меня не будет превосходной библиотеки.

Никто не реагировал на ее откровение. Затем она снова зевнула, отбросила книгу и оглядела комнату в поисках какого-нибудь развлечения; услышав, как ее брат упомянул мисс Беннет о бале, она внезапно повернулась к нему и сказала:

– Кстати, Чарльз, ты действительно всерьез задумал устроить танцы в Незерфилде? Я бы посоветовала тебе, прежде чем принять окончательное решение, узнать о желаниях присутствующих. Я не сильно ошибусь, если скажу, что среди нас не найдется никого, кому бал не оказался бы скорее наказанием, чем удовольствием.

– Если ты имеешь в виду Дарси, – воскликнул ее брат, – он, если захочет, может лечь спать пораньше, до его начала, но что касается бала, то это дело вполне решенное, и как только Николлс сварит достаточно белого супа, я разошлю приглашения.

– Мне гораздо больше нравились бы балы, – отвечала она, – если бы их проводили по-другому – есть что-то невыносимо унылое в общепринятом процессе такого собрания. Без сомнения, было бы гораздо разумнее, если бы общение и беседы, а не танцы, стали содержанием вечера.

– Куда уж разумнее, моя дорогая Кэрлайн, но осмелюсь сказать, что это вряд ли будет напоминать бал.

Мисс Бингли не стала продолжать разговор, а вскоре после этого встала и начала прогуливаться по комнате. Фигура у нее была стройной, походка грациозной, но Дарси, на которого все это было рассчитано, по-прежнему был непоколебимо усерден в своем занятии. Видя безуспешность своих усилий, она решила предпринять еще одну попытку и, повернувшись к Элизабет, предложила:

– Мисс Элиза Беннет, позвольте мне предложить вам последовать моему примеру и пройти по комнате. Уверяю вас, это возвращает бодрость после долгого сидения в одной позе.

Элизабет была удивлена, но не отказалась. А мисс Бингли таким образом преуспела в достижении истинной цели своей любезности – мистер Дарси оторвал взгляд от книги. Он, так же, как и сама Элизабет, уже некоторое время был не прочь сменить занятие и, не подозревая подвоха, закрыл книгу. Ему тут же последовало приглашение присоединиться к их группе, но он отказался, заметив, что может вообразить только два мотива, по которым они решили вместе прогуливаться взад-вперед по комнате, и любому из этих замыслов его присутствие рядом с ними должно было помешать.

– Что он мог иметь в виду? До смерти любопытно, что он хотел этим сказать? – и она обратилась к Элизабет, может ли та его понять.

– По правде сказать, нет, – был ее ответ. – Одно мне ясно, он намерен поступать с нами строго, и наш самый верный способ разрушить его планы – ни о чем его не спрашивать.

Мисс Бингли, однако, не была готова хоть в чем-то разочаровать мистера Дарси и потому упорно требовала объяснений этих двух его мотивов.

– Я не имею ни малейшего возражения против того, чтобы объяснить свои слова, – сказал он, как только получил возможность вставить слово. – Вы либо избрали этот способ скоротать время, потому что у вас есть какие-то общие секреты и вам нужно обсудить их, либо потому, что вы уверены, что ваши фигуры выглядят наиболее выигрышно в движении; если верно первое, то я окажусь лишним и буду мешать вам секретничать, а если второе, то я смогу гораздо лучше оценить ваши достоинства, сидя у камина.

– Ужасно! Я шокирована! – воскликнула мисс Бингли. – Я никогда не слышал ничего более дерзкого. Как нам наказать его за такую речь?

– Нет ничего проще, если вы действительно хотите этого, – отвечала Элизабет. – Нам так просто раздражать и наказывать друг друга – дразните его, подсмеивайтесь над ним. Ведь вы хорошо осведомлены о его слабых сторонах, вы легко сообразите, как это сделать.

– Клянусь честью, я этого не стану делать. Уверяю вас, что мое знание его характера подсказывает избегать такого риска. Насмехаться над сдержанностью манер и наличием здравого смысла! Нет, нет, боюсь, он и сам может бросить нам вызов в этом случае. А что касается просто смеха, то, если позволите, нам лучше не подвергать себя риску выглядеть глуповатыми, начиная смеяться без явной причины. Мистер Дарси может быть спокоен.

– Над мистером Дарси не позволено смеяться! – воскликнула Элизабет. – Это редчайшая привилегия, и я надеюсь, что она такой же редкой и останется, поскольку для меня было бы большой потерей иметь многих таких знакомых. Я ведь очень люблю посмеяться.

– Мисс Бингли, – парировал Дарси, – оказала мне больше почтения, чем я заслуживаю. Самые умные и достойные из людей – даже точнее, самые разумные и благородные из их действий – могут быть сделаны нелепыми и потешными человеком, чьей главной целью в жизни является забава.

– Конечно, – ответила Элизабет, – такие люди есть, но надеюсь, что я не из их числа. Полагаю, я никогда не буду высмеивать то, что разумно и благородно. Глупость и бессмыслица, самодурство и отсутствие логики, я признаю, действительно кажутся мне смехотворными, и я смеюсь над ними, когда получается. Но это, я полагаю, именно то, что у вас, к счастью, отсутствует.

– Возможно, это не распространяется на всех. Но сам я всю жизнь старался избегать проявлений тех слабостей, которые обычно подвергаются насмешкам.

– Таких как тщеславие и гордость.

– Да, тщеславие – это бесспорная слабость. Но гордость – там, где речь идет о настоящем превосходстве ума, такая гордость всегда будет благородным качеством.

Элизабет отвернулась, чтобы скрыть улыбку.

– Я полагаю, ваше обследование мистера Дарси закончено, – вмешалась мисс Бингли. – Умоляю, сообщите, каков результат?

– Я совершенно убеждена в том, что у мистера Дарси нет недостатков. Он предстает перед нами таким, каков он есть, без обмана.

– Что вы, – возразил Дарси, – я не претендовал ни на что подобное. У меня достаточно недостатков, но я надеюсь, что они не связаны с моим разумом. За свой характер я не смею ручаться. Я нахожу его не слишком терпимым и снисходительным, уж точно не в той степени, чтобы безоговорочно воспринимать окружающих. Я не способен предавать забвению недостатки ума и пороки других так быстро, как, может быть, следовало, а также обиды, нанесенные мне. Мои чувства не поддаются влиянию каждый раз, когда меня пытаются растрогать. Меня, пожалуй, можно было бы назвать обидчивым. Мое хорошее отношение, однажды утраченное, потеряно безвозвратно.

– Это действительно серьезно! – воскликнула Элизабет. – Непримируемая обида – не лучшая черта характера. Но вы удачно выбрали свой недостаток. Я действительно не смогу над ним смеяться. Вы в полной безопасности с моей стороны.

– Я считаю, что в самой природе человека присутствует склонность к какому-нибудь пороку – и это обращается в естественный недостаток характера, который невозможно преодолеть даже самым лучшим воспитанием.

– Ваш недостаток в том, что вы склонны всех ненавидеть.

– А ваш, – ответил он с улыбкой, – в том, чтобы умышленно приукрашивать их.

– Давайте послушаем немного музыки, – воскликнула мисс Бингли, уставшая от разговора, в котором она не принимала участия. – Луиза, ты же не станешь возражать против того, чтобы я помешала сну мистера Херста?

Ее сестра не имела ни малейших возражений, фортепиано было открыто, и Дарси, после недолгих раздумий, не пожалел об этом. Он начал чувствовать опасность от того, что уделяет Элизабет слишком много внимания.

Глава 12

Получив согласие сестры, Элизабет следующим утром отправила матери записку с просьбой прислать в этот же день за ними карету. Но миссис Беннет вынашивала иной план, в соответствии с которым, ее дочери должны были оставаться в Незерфилде до следующего вторника, то есть Джейн следовало провести в поместье полную неделю. Мать не могла допустить нарушения своих планов, как бы Элизабет не стремилась вернуться домой, поэтому она ответила отрицательно. Миссис Беннет сообщила им, что выслать карету раньше вторника нет никакой возможности. В заключение письма благосклонно сообщалось, что, если мистер Бингли и его сестра будут настаивать на том, чтобы они остались подольше, она, так и быть, не станет возражать. Однако Элизабет была решительно настроена против того, чтобы оставаться там дальше не только потому, что не особо ожидала, что их об этом попросят, а, напротив, опасаясь, что их сочтут навязчивыми. Поэтому она стала уговаривать Джейн без промедления обратиться за помощью к мистеру Бингли, и как только они пришли к согласию, что их первоначальный план покинуть Незерфилд именно этим утром остается неизменным, та обратилась к гостеприимному хозяину с просьбой одолжить его карету.

Сообщение о скором расставании взбудоражило их немногочисленную компанию, все горячо высказывались о том, что им следует остаться по крайней мере до завтра, чтобы Джейн окончательно поправилась; в результате их отъезд был отложен на один день. Мисс Бингли сразу же пожалела, что предложила отсрочку, поскольку ее ревность и неприязнь к одной сестре намного превосходили ее привязанность к другой.

Хозяин дома искренне опечалился, узнав, что они никак не могут задержаться, и предпринял несколько попыток убедить мисс Беннет, что она еще недостаточно окрепла и это небезопасно для ее здоровья, но Джейн была уверена в правильности своего решения и не поддавалась на уговоры.

Для мистера Дарси это была добрая весть – Элизабет пробыла в Незерфилде достаточно долго. Она увлекала его больше, чем ему хотелось, а мисс Бингли была с ней нелюбезна, к тому же подшучивала над ним больше, чем обычно. Он по размышлению решил быть особенно осторожным, чтобы не дать ни малейшего повода заподозрить его в испытываемом восхищении и не продемонстрировать ничего, что могло бы породить в ней надежду составить его счастье. Для него было очевидным, что, если бы такая идея у нее родилась, то его поведение в этот последний день должно было иметь особый смысл, подтверждая или опровергая ее надежды. Верный своей цели, он за всю субботу не сказал ей и десятка слов – он самым добросовестным образом не поднимал глаз от своей книги и ни разу не взглянул на нее хотя иногда они оставались наедине на целых полчаса.

В воскресенье, после утренней службы, произошло столь приятное почти для всех прощание. Доброжелательность мисс Бингли по отношению к Элизабет воскресла буквально на глазах, как усилилась и ее привязанность к Джейн, и когда они прощались, она заверила последнюю, что ей всегда будет приятно видеть ее в Лонгборне или Незерфилде, и нежно обняв ее, она даже пожала руку первой. Элизабет простилась со всей компанией в самом прекрасном расположении духа.

Мать встретила их дома не очень приветливо. Миссис Беннет была удивлена их приездом и сочла, что они были категорически неправы, потревожив мистера Бингли своей просьбой, и высказала опасение, что Джейн могла вновь простудиться. Но отец, хотя и очень немногословный в выражениях своего удовлетворения, был действительно рад их видеть, он увидел воочию, как их не хватало в семейном кругу. В отсутствие Джейн и Элизабет вечерние беседы, когда они собирались все вместе, потеряли значительную часть своей живости и почти всякий смысл.

Они застали Мэри, как обычно, глубоко погруженной в разучивание очередного музыкального опуса и в изучение человеческой природы, у нее уже имелось несколько отрывков, которыми можно было восхищаться, и некоторые новые замечания об общепринятой морали, которые стоило бы выслушать. Кэтрин и Лидия готовы были поделиться новостями иного рода. Много случилось и о многом поговаривали в полку за время, прошедшее с предыдущей среды: несколько офицеров недавно обедали у их дяди, рядового высекли, и даже разошелся слух, что полковник Форстер собирается жениться.

Глава 13

– Надеюсь, моя дорогая, – сказал мистер Беннет своей жене, когда они завтракали на следующее утро, – что вы велели приготовить сегодня хороший ужин, потому что у меня есть основания ожидать новое лицо на нашем семейном празднике.

– Кого вы имеете в виду, мой дорогой? Я уверена, что никто не появится, если только не заедет Шарлотта Лукас, и я надеюсь, что мои блюда будут для нее достаточно хороши. Я не думаю, что она часто лакомится такими дома.

– Человек, о котором я говорю, – джентльмен и ранее не бывал у нас.

Глаза миссис Беннет разгорелись.

– Человек благородный и нездешний! Готова предположить, что это мистер Бингли! Не скрою, что буду чрезвычайно рада принимать мистера Бингли. Но, боже мой, вот неудача! Рыбы сегодня уже не найти. Лидия, любовь моя, позвони в колокольчик, мне нужно сейчас же переговорить с Хилл.

– Это не мистер Бингли, – продлил интригу ее муж. – Это человек, которого я никогда в жизни не видел.

Сообщение вызвало всеобщее удивление, и он имел удовольствие быть подвергнутым энергичному допросу со стороны жены и пяти дочерей одновременно.

Потешившись некоторое время их любопытством, он наконец объяснил:

– Около месяца назад я получил письмо и около двух недель назад ответил на него, так как считал, что дело это щекотливое и требующее неотложного внимания. Оно пришло от моего двоюродного брата, мистера Коллинза, который, когда я умру, получит полное право выгнать вас всех из этого дома сразу, как только пожелает.

– Ах! Мой дорогой мистер Беннет, – воскликнула его жена, – я не могу вынести напоминаний об этих печальных обстоятельствах. Пожалуйста, не говорите об этом ужасном человеке. Должна признаться, что это наиболее невыносимая для меня вещь на свете, когда я вспоминаю, что твой дом отберут у твоих собственных детей; и я не сомневаюсь, что на вашем месте я бы давно попыталась сделать что-нибудь, чтобы избежать этого.

Джейн и Элизабет попытались объяснить ей суть закона о наследовании. Они и раньше время от времени предпринимали попытки сделать это, но тема майората была для миссис Беннет вне понимания, и она продолжала яростно протестовать против жестокости отчуждения поместья у семьи с пятью дочерьми в пользу чужого человека.

– Это, конечно, несправедливое дело унаследовать Лонгборн, – сказал мистер Беннет, – и ничем нельзя оправдать это прегрешение мистера Коллинза. Но если вы послушаете что он пишет, то, может быть, его манера выражаться несколько изменит ваше мнение.

– Нет, я уверена, что не поступлю так, и я думаю, что с его стороны очень неуместно вообще писать вам, это означает явно демонстрировать свое лицемерие. Я не переносу таких притворных друзей. Почему он не мог оставаться в ссоре с вами, как это делал до того его отец?

– И верно, почему? Судя по всему, у него действительно были некоторые сомнения в правильности поступков своего отца в данном споре, как вы услышите:

«Хансфорд, Уэстерхэм, Кент, 15 октября.

Уважаемый сэр,

Разногласия, существовавшие между вами и моим почтенным, а ныне покойным отцом, всегда тяготили меня, и, поскольку я имел несчастье лишиться его, у меня все чаще возникало намерение покончить с этой ссорой. Некоторое время меня удерживали собственные сомнения, не явится ли неуважением к его памяти то, что я стану поддерживать хорошие отношения с кем-либо, с кем ему всегда было по нраву враждовать. – Вот, миссис Беннет. – Однако

теперь я принял решение по этому вопросу, поскольку, будучи рукоположенным на Пасху, мне посчастливилось удостоиться покровительства досточтимой леди Кэтрин де Бург, вдовы сэра Льюиса де Бурга, чья щедрость и милосердие сочли меня достойным кафедры настоятеля этого прихода, в котором моим самым искренним устремлением станет смиренное послушание ее светлости и стремление выполнять те обряды и церемонии, которые предписаны Церковью Англии. Более того, как священнослужитель я считаю своим долгом способствовать установлению и поддержанию благословенного мира во всех семьях, находящихся в пределах моего радения; и на этом основании я тешу себя надеждой, что мои нынешние предложения заслуживают благоволения и что то обстоятельство, что я являюсь следующим наследником поместья в Лонгборне, будет вами любезно оставлено без внимания и не заставит вас отвергнуть протянутую оливковую ветвь. Я не испытываю ничего кроме огорчения из-за того, что могу причинить вред вашим любезным дочерям, и прошу позволения принести свои извинения за это, а также заверить вас в своей готовности возместить им возможный ущерб, но об этом в будущем. Если вы не против того, чтобы принять меня в своем доме, я позволю себе удовольствие навестить вас и вашу семью в понедельник, 18 ноября, около четырех часов по полудни и, возможно, злоупотребить вашим гостеприимством, пробыв до субботнего вечера. Это ни в коей мере не причинит ущерба моему служению в приходе, поскольку леди Кэтрин столь милостива, что не возражает против моего нечастого отсутствия по воскресеньям, при условии, что какой-нибудь другой священнослужитель примет на себя исполнение обязанностей, предписанных в этот день.

*Остаюсь, дорогой сэръ, с почтительными пожеланиями вашей супруге и дочерям,
Ваш доброжелатель и друг,
Уильям Коллинз».*

– Таким образом, в четыре часа мы можем ожидать этого мирноосца, – подвел итог мистер Беннет, складывая письмо. – Честное слово, он кажется весьма добропорядочным и обходительным молодым человеком, и я не сомневаюсь, что это будет многообещающее знакомство, особенно если леди Кэтрин проявит свою терпимость и позволит ему приехать к нам снова.

– Однако в том, что он говорит о наших дочерях, есть определенный здравый смысл, и если он расположен чем-то загладить свою вину, я не стану его отговаривать.

– Хотя не просто вообразить, – заметила Джейн, – каким он видит возмещение нашего ущерба, что, по его мнению, нам причитается, само намерение, безусловно, делает ему честь.

Элизабет же более всего поразило его чрезвычайное почтение к леди Кэтрин и его прекраснородушное намерение крестить, женить и провожать в последний путь своих прихожан, когда бы это ни потребовалось.

– Я думаю, он, должно быть, чудаковатый, – предположила она. – Я затрудняюсь его представить себе – в его стиле есть что-то очень высокопарное. И что он может иметь в виду, говоря, что он извиняется за то, что оказался наследником? Трудно предположить, что он смог бы сделать для нас, даже если бы захотел. Может ли он оказаться здравомыслящим человеком?

– Нет, дорогая, я думаю, что не может. Я возлагаю большие надежды на то, чтобы найти его обладателем как раз противоположных качеств. В его письме присутствует смесь подобию страстия и самомнения, наличие которых обнадеживает. Мне не терпится его увидеть.

– С точки зрения композиции, – сказала Мэри, – письмо не выглядит сколько-нибудь ущербным. Идея оливковой ветви, возможно, не слишком нова, но я думаю, что она недвусмысленно выражена.

Кэтрин и Лидии ни письмо, ни его автор ни в малейшей степени не были интересны. Было практически невероятным, чтобы их кузен явился в алой шинели, а они вот уже несколько недель не представляли себе удовольствия от общества человека в одеянии какого-либо дру-

гого цвета. Что касается их матери, письмо мистера Коллинза сгладило большую часть ее недоброжелательности, и она готовилась к встрече с ним со спокойствием, которое удивило ее мужа и дочерей.

Мистер Коллинз не задержался со своим прибытием и был встречен всем семейством с большой учтивостью. Мистер Беннет, как и намеревался, говорил мало, дамы были не прочь поговорить, ну а мистера Коллинза, похоже, не было необходимости поощрять – он и сам не был склонен отмалчиваться. Это был высокий, полноватый молодой человек лет двадцати пяти. Вид у него был степенный и полный достоинства, а манеры очень церемонные. Не успел он усесться, как уже одарил миссис Беннет комплиментом по поводу такой прекрасной семьи из пяти дочерей, сообщил, что много слышал ранее об их красоте, но все слышанное им не отражает и части им увиденного, и добавил, что не сомневается, что счастливая мать в свое время увидит, как они все выйдут замуж. Такая его галантность пришлась по вкусу не всем из его слушателей, но миссис Беннет, пусть сама и оставшаяся без комплиментов, восприняла его речи благосклонно.

– Вы очень любезны, и я всем сердцем желаю, чтобы это произошло, иначе они останутся ни с чем. Все устроено так нелепо.

– Вы, по-видимому, намекаете на наследование этого поместья?

– Ах, сэр! Я действительно именно это имела в виду. Вы должны признаться, что это в высшей степени мучительно для моих бедных девочек. Я не хочу высказывать претензии к вам лично, ведь я знаю, что так порой случается в этом мире независимо от наших желаний. Но никогда не знаешь, как обернутся дела, когда поместье однажды перейдет в чужие руки.

– Я отдаю себе отчет, мадам, какие тяжелые испытания выпали бы на долю моих прекрасных кузин, и могу многое сказать на эту тему, но мне не хотелось бы забегать вперед и проявлять опрометчивость. Однако я могу заверить молодых леди, что прибыл я полным сочувствия и восхищения ими. Сейчас я не хотел бы говорить больше, но, может быть, когда мы лучше узнаем друг друга...

Его речь была прервана сообщением, что обед подан, и девушки, обменявшись улыбками, отметили, что не были единственными объектами восхищения мистера Коллинза. Зал, столовая и вся ее мебель были внимательно осмотрены и заслужили похвалы; и его лестный отзыв тронул бы сердце миссис Беннет, если бы не унижительное ощущение, что он рассматривает все это как свою будущую собственность. Обед, в свою очередь, тоже понравился, и он захотел узнать, кто из его прекрасных кузин проявил такое мастерство в его приготовлении. Но его тут же привела в чувство миссис Беннет, которая с некоторой даже резкостью заверила, что они вполне могут позволить себе нанять хорошего повара и что ее дочерям не место на кухне. Он попросил прощения за то, что вызвал ее недовольство. Смягчив тон, она заявила, что ничуть не обижена, но он продолжал извиняться еще не менее четверти часа.

Глава 14

Во время ужина мистер Беннет почти не задавал вопросов, но когда слуги удалились, он решил, что пришло время поговорить с гостем, и поэтому обратился к теме, а точнее, персоне, которую, как он приметил, мистер Коллинз упоминал чаще других. Он заметил, что тому, по-видимому, очень повезло со своей покровительницей. Внимание леди Кэтрин де Бург к его нуждам и забота о его благополучии были весьма необычными. Мистер Беннет не мог выбрать более удачного сюжета для разговора. Мистер Коллинз был в высшей степени красноречив в похвалах леди Кэтрин. Высокопарность его манеры выразиться достигла наивысшей степени при описании ее достоинств, и с неизъяснимым благоговением он утверждал, что – никогда в жизни не видел такого поведения у особы столь высокопоставленной – таких благосклонности и снисходительности, какие он сам испытал со стороны леди Кэтрин. Ей было угодно милостиво одобрить обе проповеди, с которыми он уже имел честь обратиться к пастве в ее присутствии. Она также дважды приглашала его отобедать в Розингсе и вот только в прошлую субботу послала за ним коляску, чтобы вечером составить партию за карточным столом. Многие его знакомые считали леди Кэтрин высокомерной, но он никогда не видел от нее ничего, кроме благорасположения. Она всегда обращалась с ним, как с настоящим джентльменом; ни разу не высказала ни малейшего возражения ни против его общения с не столь благородными соседями, ни против того, чтобы он время от времени покидал приход на неделю или две, чтобы навестить своих родственников. Она даже соизволила рекомендовать ему жениться как можно скорее, при условии, конечно, что выбор его будет благоразумным; и однажды снизошла до визита в его скромный пасторский дом, где полностью одобрила все внесенные им изменения и даже милостиво удостоила его собственных предложений – добавить несколько полок в чулане наверху.

– Я думаю, все это очень достойно и учтиво, – сказала миссис Беннет, – и осмелюсь утверждать, она очень любезная дама. Жаль, что другие великосветские леди совсем не похожи на нее. А далеко ли от вас Розингс-парк, сэр?

– Садик, в котором стоит мое скромное жилище, отделен от резиденции ее светлости, лишь узкой улочкой.

– Помнится, вы сказали, что она вдова, сэр? Есть ли у нее семья?

– У нее только одна дочь, наследница Розингса и обширного поместья.

– Ах! – прокомментировала миссис Беннет, покачивая головой, – тогда судьба ее получше, чем у многих других девушек. И какова эта молодая леди? Красива ли?

– Она совершенно очаровательная молодая леди. Сама леди Кэтрин говорит, что своей истинной красотой мисс де Бург намного превосходит самых красивых представительниц своего пола, потому что в ее чертах есть то, что отличает молодую даму знатного происхождения. К сожалению, у нее слабое здоровье, и это помешало ей добиться значительного успеха во многих занятиях, успеха, которого она безусловно могла бы достичь, не будь столь болезненной. Так мне говорила дама, руководившая ее образованием, и которая до сих пор проживает с ними. Но она восхитительно доброжелательна и часто снисходит до того, чтобы проехать мимо моего скромного жилища на своем маленьком фаэтоне, влекомом пони.

– Она была представлена при дворе? Я не помню ее имени среди придворных дам.

– Ее ослабленное здоровье, к несчастью, не позволяет ей постоянно находиться в столице, и таким образом, как я однажды сказал леди Кэтрин, британский двор лишился своего самого яркого украшения. Ее светлость, казалось, порадовала эта моя мысль, и вы можете себе представить, что при каждом удобном случае я рад высказать простенькие и деликатные комплименты, которые всегда угодны дамам. Я не раз имел смелость заметить леди Кэтрин, что ее очаровательная дочь, по-видимому, родилась быть герцогиней, и самые высокие титулы вместо

того, чтобы возвысить ее, были бы украшены ею. Подобные мелочи доставляют удовольствие ее светлости, и по моему разумению, я должен уделять этому особое внимание.

– Вы очень правильно разумеете, – одобрил мистер Беннет, – и вам очень повезло обладать талантом тонкой лести. Могу ли я узнать, проистекает ли это галантное внимание из сиюминутного импульса или является результатом предварительной подготовки?

– Оно возникает главным образом из того, что происходит в данный момент, и хотя я иногда развлекаюсь сам с собой, вызывая в памяти или придумывая такие легкие и изящные комплименты, которые могут быть использованы по случаю, я всегда хочу придать им как можно более естественный вид импровизации.

Ожидания мистера Беннета полностью оправдались. Его кузен был нелеп именно в той степени, в которой он надеялся его найти, и он слушал его с величайшим удовольствием, сохраняя в то же время полное самообладание и, за исключением обмена случайными взглядами с Элизабет, не нуждаясь ни в каком партнере для своего веселья.

Однако ко времени, когда подали чай, мистер Беннет насытился беседой и был рад снова пригласить своего гостя в гостиную, а когда с чаем было покончено, был так же рад обратиться с предложением почитать вслух дамам. Мистер Коллинз с готовностью согласился, и книга была девушками выбрана, но, увидев ее (было объявлено, что взята она из книжного клуба), он только что не шарахнулся от нее и, извинившись, решительно заявил, что никогда не читал романов. Китти молча уставилась на него, а Лидия громко выразила удивление. Были предложены другие книги, и после некоторых размышлений он выбрал «Проповеди» Фордайса. Лидия протяжно зевнула, как только он открыл том, и еще до того, как он закончил монотонно и торжественно читать первые три страницы, без церемоний вклинилась в его чтение:

– Знаете ли вы, мама, что наш дядя Филлипс поговаривает о том, чтобы отказаться от Ричарда, и если он это сделает, полковник Форстер наймет его. Тетя сама рассказала мне об этом в субботу. Завтра я поеду в Меритон узнать подробности и заодно выяснить, когда мистер Денни вернется из Лондона.

Две старшие сестры посоветовали Лидии придержать язык, но мистер Коллинз, весьма раздраженный таким невниманием, отложил книгу и сказал:

– Я имел возможность убедиться, как мало молодых леди интересуются книгами серьезного содержания, хотя и написанными исключительно для их блага. Признаюсь, меня это поражает, ибо для них, несомненно, не может быть ничего более полезного, чем наставления. Но я больше не стану докучать моим юным кузинам.

Затем, повернувшись к мистеру Беннету, он предложил себя в качестве партнера для игры в трик-трак. Мистер Беннет принял вызов, заметив, что тот поступил очень мудро, предоставив девочкам заниматься их пустяковыми развлечениями. Миссис Беннет и ее дочери весьма вежливо извинились за неуместное поведение Лидии и пообещали, что подобное больше не повторится, если он опять обратится к выбранной им книге, но мистер Коллинз, заверив их, что он не испытывает к своей юной кузине никакой обиды и никогда не будет воспринимать ее поведение как оскорбление, пересел за другой стол и приготовился к игре с мистером Беннетом.

Глава 15

Мистер Коллинз не был человеком большого ума, и этот природный недостаток не смогли исправить ни образование, ни общение с другими людьми. Большую часть своей жизни он провел под властью невежественного и скупого отца, и хотя он получил приличное образование в одном из университетов, там он просто набрался обязательных знаний, не завязав за годы учения никаких полезных знакомств. Покорность, в которой его воспитывал отец, изначально привила ему униженную смиренность в поведении, но неожиданная удача породила в его недалеком разуме, пребывавшем до того в состоянии полудремы, столь необычное самомнение, что он посчитал вполне закономерным и заслуженным раннее и внезапное благополучие. Удачный случай привел его в поместье леди Кэтрин де Бург как раз в тот момент, когда приход в Хансфорде остался без пастыря, и то глубочайшее уважение, которое он испытывал к ее высокому сану, и почитание ее как своей покровительницы, соединяясь с высоким мнением о себе, о своем авторитете священнослужителя и о своем праве пастыря, образовали в нем смесь гордыни и угодливости, самомнения и смирения.

Обладая теперь хорошим домом и весьма приличным доходом, он вознамерился жениться и, стремясь к примирению с семьей, проживающей в Лонгборне, он придумал взять в жены одну из дочерей, если найдет их такими же красивыми и добродетельными, как о них говорили в округе. Таков был замысел возмещения им ущерба, искупления, в его возвышенном понимании, за наследование поместья их отца, и он счел это превосходным, умно задуманным и лишенным недостатков, а также чрезвычайно щедрым и совершенно бескорыстным с его стороны.

План его не претерпел изменений, когда он увидел всех девушек. Прекрасное лицо мисс Беннет вполне оправдало его ожидания и подтвердило все его самые строгие представления о старшинстве; и в первый же вечер она стала его окончательным выбором. Однако четверть часа, проведенные на следующее утро перед завтраком наедине с миссис Беннет, привели к некоторым изменениям в его проекте. Разговор, начавшийся с похвал его пасторскому дому и естественным образом приведший к изложению его надежды найти хозяйку для этого дома в Лонгборне, продолжился долгой чередой весьма любезных улыбок и безусловного одобрения его намерений, а затем ненавязчиво обернулся сомнением в правильности выбора старшей из дочерей, на которой он остановился. Что касается младших дочерей, то она не может взять на себя смелость утверждать прямо сейчас, что ответ был бы положительным, но она не видит никаких препятствий к тому; но относительно ее старшей дочери было бы должным упомянуть (по крайней мере, она считала бы своим долгом хотя бы намекнуть), что, вероятно, очень скоро она будет помолвлена.

Мистеру Коллинзу не оставалось ничего иного, как поменять в своем проекте имя избранницы с Джейн на Элизабет, что вскоре и было сделано не без помощи ободряющих подсказок со стороны миссис Беннет, прилагавшей усилия к тому, чтобы решимость мистера Коллинза жениться ни в коем случае не угасла. В результате к Элизабет, следующей после Джейн по рождению и красоте, естественным образом перешел статус избранницы.

Миссис Беннет восприняла это как добрый знак и воспылала надеждой, что вскоре сможет выдать замуж сразу двух дочерей; и человек, о котором она не желала даже слышать еще вчера, теперь приобрел ее полное благорасположение.

Намерение Лидии отправиться в Меритон не было забыто, все сестры, кроме Мэри, согласились пойти с ней, а мистер Коллинз должен был сопровождать их по просьбе мистера Беннета, который очень хотел избавиться от него и остаться, наконец, один в своей библиотеке, куда мистер Коллинз последовал за ним сразу после завтрака и где продолжил, казалось бы занятый одним из самых больших фолиантов из собрания, без умолку рассказывать мистеру

Беннету о своем доме и садике в Хансфорде. Подобные его действия чрезвычайно расстроили мистера Беннета. Находясь в своей библиотеке он всегда был уверен в нерушимости окружающих его тишины и спокойствия; и хотя был готов, как предсказывал Элизабет, столкнуться с глупостью и тщеславием в любой другой комнате дома, в библиотеке он надеялся быть избавленным от них, поэтому с настойчивой любезностью предложил мистеру Коллинзу присоединиться к его дочерям на прогулке, и мистер Коллинз, будучи на самом деле гораздо больше пригоден для прогулок, нежели для чтения, был чрезвычайно рад захлопнуть свою большую книгу и удалиться.

В напыщенном пустословии с его стороны и вежливом молчании со стороны его кузин они провели время, необходимое чтобы дойти до Меритона. В городке внимание младших ему уже не удавалось удерживать. Их взгляды тотчас же начали исследовать все вокруг в поисках офицеров, и ничто иное, возможно, только что-нибудь сравнимое по важности с очень нарядным чепчиком или образцами действительно нового муслина в витрине магазина, не могло отвлечь их от этого занятия.

Вскоре, однако, внимание дам привлек молодой человек, которого они никогда раньше не встречали. Он производил впечатление джентльмена, и шел вместе с офицером по другой стороне улицы. Офицер этот был тем самым мистером Денни, возвращения которого из Лондона ожидала Лидия, и он поклонился им, когда они проходили мимо. Все были крайне заинтригованы появлением нового персонажа и строили догадки, кем бы он мог быть. Китти и Лидия, решив непременно это выяснить, перешли улицу под предлогом, что им нужно посмотреть кое-что в лавке напротив, и проделали это так ловко, что стоило им выйти на тротуар, как оба джентльмена, повернувшись назад, чуть не столкнулись с ними. Мистер Денни галантно обратился к ним и попросил позволения представить своего спутника, мистера Уикхэма, который накануне прибыл с ним из столицы, и имел удовольствие сообщить, что тот получил офицерский патент в их полку. Это было именно то, что должно было быть исполнено, ибо молодому человеку недоставало только офицерского мундира, чтобы сделать его совершенно неотразимым. Все в нем вызывало симпатию, и он обладал именно тем, что делало мужчину в высшей степени привлекательным: тонкими чертами лица, стройной фигурой и безупречными манерами. Будучи представленным, он с легкостью затеял разговор, проявив при этом разумную скромность. Вся компания оставалась на месте и продолжала вести очень милую беседу, когда их внимание привлек звук копыт и они увидели Дарси и Бингли, приближавшихся верхом вдоль улицы. Узнав дам, стоящих на тротуаре, оба джентльмена спешили и направились к ним, затеяв обмен обычными любезностями. Бингли был весьма выразителен в описании того удовольствия, которое он испытывает от встречи, и одаривании комплиментами, а мисс Беннет стала их главным, если не единственным объектом. Он поведал, что специально направлялся в Лонгборн, чтобы навести справки о ее здоровье. Мистер Дарси подтвердил это легким поклоном и уже было собрался продемонстрировать насколько ему безразлична Элизабет, как вдруг его внимание привлек незнакомец, и Элизабет случайно увидела лица обоих, когда они взглянули друг на друга – для обеих встреча, казалось, стала неприятным сюрпризом. Оба изменились в лице: один явно побледнел, а другой покраснел. Мистер Уикхэм через несколько мгновений коснулся своей шляпы – изобразил приветствие, на которое мистер Дарси не соизволил ответить. Что это могло означать? Невозможно было себе представить, невозможно было не загореться желанием это узнать.

Еще через минуту мистер Бингли, похоже, не заметив того, что произошло, простился со всеми и они с другом продолжили свой путь.

Мистер Денни и мистер Уикхэм проводили молодых леди до дома мистера Филлипса, а затем откланялись, несмотря на настойчивые просьбы мисс Лидии зайти, и даже несмотря на то, что миссис Филлипс, выглянув в окно гостиной, громко поддержала приглашение.

Миссис Филлипс всегда была рада видеть своих племянниц, а двум старшим, после их недавнего отсутствия в Лонгборне, обрадовалась особенно, и она живо выразила свое удивление по поводу их внезапного возвращения домой, о котором, поскольку за ними не посылали их собственный экипаж, она ничего не узнала бы, не случись ей увидеть на улице приказчика из лавки мистера Джонса, который сообщил ей, что они больше не посылают вырезку в Незерфилд, потому что обе мисс Беннет уехали, но тут Джейн отвлекла ее внимание, представив мистера Коллинза. Она восприняла его с самой изысканной вежливостью, на которую он ответил не меньшей учтивостью, извинялся за свое вторжение, не будучи ранее знаком с ней, но, однако, тешил себя надеждой, что это могло бы быть оправдано его родственными отношениями с барышнями, которые и представили его ее вниманию. Миссис Филлипс была в восторге от такого избытка хороших манер; но ее внимание к одному незнакомцу скоро плавно перешло в восклицания и рассказы о другом, о котором, однако, она могла поведать своим племянницам только то, что они уже знали: мистер Денни привез его из Лондона, и он должен получить звание лейтенанта в полку ополчения графства. По ее словам, она наблюдала за ним в течение всего последнего часа, пока он прогуливался взад и вперед по улице, и если бы мистер Уикхем появился вновь, Китти и Лидия наверняка присоединились бы к ней в этом занятии, но, к сожалению, никто более не проходил мимо окон, кроме нескольких офицеров, которые, не выдержав сравнения с вновь прибывшим, стали «глупыми, неприятными людьми». Некоторые из них должны были на следующий день обедать у Филлипсов, и тетушка пообещала заставить своего мужа навестить мистера Уикхема и передать ему приглашение, если семья из Лонгборна тоже появится вечером. С этим все согласились, и миссис Филлипс сообщила, что они смогут приятно провести время, поиграв в фанты, а потом будет подан легкий ужин. Предвкушение таких удовольствий подняло всем настроение, и они расстались в прекрасном расположении духа. Мистер Коллинз, покидая комнату, повторил свои извинения, и его с такой же неутомимой вежливостью заверили, что они совершенно излишни.

По пути домой Элизабет рассказала Джейн о том загадочном происшествии с участием двух джентльменов, которое она наблюдала, а поскольку сестра ее, в силу своего характера, немедленно стала бы искать оправдания либо для одного из них, либо для обоих сразу, независимо от их реальной роли в предполагаемом происшествии, она не могла ожидать от Джейн объяснения более понятного, чем ее собственное.

По возвращении мистер Коллинз доставил немалое удовольствие миссис Беннет, восхищаясь манерами и приветливостью миссис Филлипс. Он заверил ее, что, за исключением леди Кэтрин и ее дочери, он никогда не видел более изысканной женщины, ибо она не только приняла его с исключительной любезностью, но даже без колебаний включила его в свое приглашение на следующий вечер, хотя прежде он был совершенно неизвестен ей. Отчасти, полагал он, это можно было бы объяснить его родственными связями с ними, тем не менее, за всю свою жизнь он никогда не испытывал ни от кого такой заботы.

Глава 16

Поскольку договоренность молодых леди с тетушкой не встретила со стороны родителей никаких возражений, а все угрызения совести мистера Коллинза из-за того, что ему, при всей краткости его визита в Лонгборн, придется лишиться гостеприимных хозяев своего общества хотя бы на один вечер, были самым решительным образом развеяны мистером и миссис Беннет, карета доставила его самого и пятерых его кузин в назначенный час в Меритон, и барышни, войдя в гостиную, с удовлетворением узнали, что мистер Уикхэм принял приглашение их дяди и уже находится в доме.

Когда прибывшие воочию убедились в правдивости сообщения и все расположились в гостиной, мистер Коллинз получил возможность осмотреться вокруг и оценить комнату. Он был весьма впечатлен ее размерами и обстановкой и заявил, что мог бы, пожалуй, подумать, что находится в малой летней зале для завтраков в Розингсе. Сравнение поначалу не впечатлило присутствующих дам, но когда миссис Филлипс узнала от него, что такое Розингс и кому он принадлежит, когда она выслушала красочное описание только одной из гостиных леди Кэтрин и до ее сведения было доведено, что один только тамошний камин обошелся в восьмисот фунтов, она почувствовала всю щедрость комплимента и вряд ли обиделась бы даже на сравнение ее гостиной с комнатой экономки.

Он с воодушевлением описывал ей все величие леди Кэтрин и ее особняка, время от времени отвлекаясь ненадолго на похвалы в адрес своего скромного жилища и производимых в нем улучшений, и это продолжалось до тех пор, пока к ним не присоединились джентльмены. Мистер Коллинз нашел в лице миссис Филлипс очень благодарного слушателя, чье мнение о его значимости возрастало по мере того, как она внимала ему, и которой уже не терпелось как можно скорее пересказать все это своим соседям. Для барышень, которые не были склонны выслушивать восторги своего кузена и которым не оставалось ничего, кроме как с нетерпением ожидать, когда наступит время музицировать, и скучать, рассматривая собственные имитации китайских акварелей, подаренные тетушке и расставленные ею на каминной полке, время тянулось очень медленно. Однако в какой-то момент все закончилось. Джентльмены, наконец, присоединились к ним, и когда мистер Уикхэм вошел в комнату, Элизабет поняла, что и при их первой встрече, и теперь воспринимает его с известной долей необоснованного восхищения. Офицеры полка в целом воспринимались в городке как джентльмены, уважаемые и весьма привлекательные, и лучшие из них находились сейчас в этой комнате, но мистер Уикхэм в такой же степени превосходил их всех внешностью: лицом, статью и походкой, как они все превосходили круглолицего, старомодного дядюшку Филлипса, который вслед за ними вошел в комнату, распространяя запах портвейна.

Мистер Уикхэм оказался тем счастливым, на которого были обращены взоры почти всех женщин, а Элизабет стала той избранницей, рядом с которой он наконец занял место; и приятная манера, с которой он сразу же вступил в разговор, хотя это было только замечание о дождливой погоде, заставила ее почувствовать, что самая заурядная, самая скучная, самая избитая тема может стать интересной благодаря мастерству собеседника.

В присутствии таких соперников в борьбе за внимание общества, как мистер Уикхэм и офицеры, мистер Коллинз, казалось, потерял значительную часть своей важности – для барышень он, конечно, не представлял интереса, но время от времени у него все еще находилась любезная слушательница в лице миссис Филлипс, и благодаря ее вниманию он был в изобилии обеспечен кофе и кексами. Когда карточные столы были расставлены, у него появилась возможность, в свою очередь, услужить ей, присоединившись к игрокам.

– Я пока еще не силен в игре, – предупредил он, – но буду рад совершенствоваться, потому что мое положение в обществе... Миссис Филлипс была очень рада его покладистости, но не могла столь долго ждать окончания объяснений его резонов.

Мистер Уикхем не играл в вист, и его с радостью приняли дамы за другим столом, усадив между Элизабет и Лидией. Поначалу казалось, что Лидия полностью завладеет его вниманием, поскольку она не замолкала ни на минуту, но, будучи также большой любительницей игры, она вскоре излишне увлеклась, азартно делая ставки и неумеренно выражая свои восторги при получении призов, так что не могла уделять кому-нибудь особое внимание. Обычное неторопливое течение игры предоставило мистеру Уикхему возможность вести беседу с Элизабет, а она была не прочь его послушать, хотя то, что ее больше всего занимало – историю его знакомства с мистером Дарси – она не могла надеяться узнать, и не решилась даже мимоходом упомянуть об этом джентльмене. Однако ее любопытство неожиданно получило удовлетворение. Мистер Уикхем сам обратился к этой теме. Сначала он поинтересовался, как далеко находится Незерфилд от Меритона и, получив ответ, с видимой нерешительностью спросил, как давно мистер Дарси здесь находится.

– Около месяца, – ответила Элизабет, а затем, не желая оставлять эту тему, добавила, – насколько мне известно, у него очень большое владение в Дербишире.

– Да, – подтвердил мистер Уикхем, – имение у него там превосходное. Чистые десять тысяч годового дохода. Вы не могли бы встретить человека, способного сообщить вам более надежные сведения по этому вопросу, поскольку я был связан с его семьей особым образом с самого раннего детства.

Элизабет не могла сдержать удивления.

– Такое утверждение может вас особенно удивить, мисс Беннет, после того как вы имели возможность наблюдать вчера, как холодна была наша встреча. Вы хорошо знаете мистера Дарси?

– Не более, чем мне хотелось бы, – горячо воскликнула Элизабет. – Я провела четыре дня в одном доме с ним и нашла его весьма неприятным человеком.

– Я не имею права высказывать свое мнение относительно того, приятен он или нет, – сказал на это Уикхем. – Я не в том положении, чтобы невольно навязывать его. Я знаю Дарси слишком долгое время и слишком близко, чтобы судить незаинтересованно. Мне невозможно быть беспристрастным. Но могу сказать, что ваше мнение о нем крайне удивительно и, осмелюсь предположить, вы нигде больше не выразили бы его так резко. Здесь ведь вы находитесь в кругу своей семьи.

– Уверяю вас, я говорю здесь не более откровенно, чем могла бы сказать в любом другом доме по соседству, за исключением, пожалуй, Незерфилда. Его никто не любит у нас в Хартфордшире. Всем неприятна его гордыня. Вы не найдете никого, кто отозвался бы о нем более благосклонно.

– Не стану притворяться и утверждать, что сожалею о том, что его или кого-либо еще оценивают по заслугам, – сказал Уикхем после недолгой паузы, – с ним, однако, такое случается не часто. Окружающие ослеплены его богатством и влиянием в свете или опасаются противостоять его лощеным и высокомерным манерам и видят его только таким, каким он хочет, чтобы его видели.

– Даже при моем поверхностном знакомстве я почувствовала его тяжелый характер.

Уикхем только покачал головой.

– Интересно, – сказал он при следующей возможности заговорить, – долго ли еще он пробудет в здешних краях.

– Не знаю определенно, но я не слышала разговоров о его отъезде, когда гостила в Незерфилде. Надеюсь, его присутствие по соседству не повлияет на ваши планы поступления в полк в этом графстве.

– Ну уж нет! Я не из тех людей, кто отступит, испугавшись мистера Дарси. Если он захочет избежать встреч со мной, именно ему придется уехать. Да, мы не друзья, и мне всегда мучительно видеть его, но у меня нет никаких причин избегать его, кроме той, которую я мог бы открыто объявить всему миру – в высшей степени недостойных поступков по отношению ко мне и самых мучительных сожалений по поводу того, что он таков, каков он есть. Его отец, мисс Беннет, покойный мистер Дарси, был одним из добрейших людей, когда-либо живших на свете, и заботливым старшим другом и наставником для меня, и я никогда не смогу находиться в обществе нынешнего мистера Дарси, не испытывая глубокой печали из-за многих трогательных воспоминаний. Его поведение по отношению ко мне было недостойным, но я искренне верю, что мог бы простить ему все и вся, только бы он не обманул надежды своего отца и не опозорил его память.

Элизабет заметила, как у нее растет интерес к разговору, и потому слушала с полным вниманием, но деликатность вопроса помешала дальнейшим расспросам.

Мистер Уикхем между тем перешел к более общим темам: Меритон, окрестности, общество. Похоже было, что он весьма доволен всем, что ему до сих пор довелось увидеть, а о последнем он говорил с легкой, но очень заметной теплотой.

– Именно желание обрести постоянный круг общения, оказаться в приятном обществе, – добавил он, – было моим главным побуждением при выборе именно этого графства. Я был наслышан о том, что служба здесь почетна и приятна, и моему другу Денни не составило труда еще более заинтересовать меня своими рассказами о месте их нынешнего расположения, а также о том большом внимании и прекрасных знакомствах, которые Меритон подарил им. Общество, в котором я вращаюсь, жизненно необходимо мне. Я был человеком, надежды которого оказались обмануты, и душа моя не выносит одиночества. Мне необходимы занятие и общение. Военная служба – это не то, в чем было мое предназначение, но теперь обстоятельства сделали ее подходящим выбором. Служение вере должно было бы быть моей профессией – я был создан для церкви, и это могло бы осуществиться в прекраснейшем из приходов, если бы это было угодно джентльмену, о котором мы только что говорили.

– В самом деле?

– Именно так! Покойный мистер Дарси в своем завещании отписал мне место в лучшем приходе в своих владениях. Он был моим крестным отцом и был чрезвычайно привязан ко мне. Невозможно переоценить его доброе отношение ко мне. С присущим ему милосердием он намеревался обеспечить мое будущее и думал, что сделал это, но когда приход освободился, его отдали другому.

– Боже мой! – воскликнула Элизабет. – Но как такое возможно? Как можно было пренебречь волей отца? Почему вы не прибегли к закону, чтобы восстановить свои права?

– В завещании его воля не была выражена достаточно однозначно, и это не позволило обратиться к закону. Человек чести не мог бы усомниться в благом намерении, но мистер Дарси предпочел поставить его под сомнение, или рассматривать как необязательную рекомендацию и утверждать, что я лишился всех прав на приход вследствие моих расточительности, безрассудства и прочего – короче, всего или ничего. Какими бы ни были сомнения, закончилось все тем, что место пастыря в приходе освободилось два года назад, когда я был уже в том возрасте, который позволял мне занять его, и оно было отдано другому человеку; и не менее несомненно то, что я не могу упрекнуть себя в том, что действительно совершил нечто оправдывающее мою утрату. У меня горячий, бесхитростный характер, и я, возможно, слишком открыто высказал свое мнение о нем прямо ему в глаза. Не могу припомнить греха тяжелее. Но нет также сомнения в том, что мы очень разные люди, и что он меня ненавидит.

– Это возмутительно! Он заслуживает публичного осуждения.

– Когда-нибудь так и случится, но не я буду способствовать этому. Пока память о его отце будет жива в моем сердце, я никогда не смогу открыто бросить ему вызов или изобличить его истинное лицо.

Элизабет отдала ему должное за такие чувства и нашла, что он определенно выглядел даже более красивым, когда выражал их.

– Но что же могло быть мотивом? – задала она вопрос после паузы. – Что могло побудить его вести себя так бесчеловечно?

– Непреодолимая, глубочайшая неприязнь ко мне – неприязнь, которую я не могу не приписать, в какой-то мере, ревности. Если бы я меньше нравился покойному мистеру Дарси, его сын, возможно, относился бы ко мне лучше, но необычная привязанность отца раздражала его, подозреваю, еще в очень раннем возрасте. Его характер оказался достаточно слаб, чтобы вынести воображаемое соперничество, в котором оба мы участвовали, и то предпочтение, которое часто отдавалось мне.

– Я не подозревала, что мистер Дарси настолько нехорош, хотя он мне никогда не нравился. Я не думала о нем так плохо. Я полагала, что он презирает всех окружающих, но не допускала, что он может опуститься до столь низкой мести, такой несправедливости, такой бесчеловечности, как эта.

Однако после недолгих размышлений она продолжила: – Я помню, как однажды в Незерфилде он с гордостью говорил о неспособности прощать обиды и своем твердом характере. Характер этот, должно быть, ужасен.

– Я не полагаюсь на свое мнение в этом вопросе, – ответил Уикхем. – Вряд ли я смогу быть справедливым по отношению к нему.

Элизабет вновь задумалась и через некоторое время воскликнула:

– Так обращаться с крестником, другом, любимцем отца!

Она могла бы добавить: – К тому же молодым мужчиной, чье привлекательное лицо условно свидетельствует о необыкновенных добродетелях, – но она ограничилась более сдержанным, – с тем, кто, вероятно, был его товарищем с детства, связанным с ним, как это следует из ваших слов, теснейшим образом!

– Мы родились в одном округе, в одном поместье; большую часть нашей юности мы провели бок о бок. Мы были обитателями одного дома, проводившими время вместе, испытывавшими одну и ту же родительскую опеку. Мой отец начал свою жизнь в профессии, которую ваш дядя, мистер Филлипс, по-видимому, высоко ценит, но он отказался от нее, чтобы быть полезным покойному мистеру Дарси, и посвятил все свое время заботе о поместье Пемберли. Мистер Дарси очень уважал его, считал очень близким другом, пользовавшимся самым высоким доверием. Мистер Дарси часто признавался, что бесконечно обязан ему за его умелое управление поместьем, и незадолго до кончины моего отца мистер Дарси пообещал ему обеспечить мое будущее. Я убежден, что на это повлияло как чувство неоплатного долга перед ним, так и его привязанность ко мне.

– Непостижимо! – воскликнула Элизабет. – И отвратительно! Удивительно, как сама гордость нынешнего мистера Дарси не заставила его поступить справедливо по отношению к вам! Если не нашлось ничего более благородного, его гордость должна была удержать его от такого бесчестия – я не могу назвать это иначе, чем бесчестием.

– Удивительно, – ответил Уикхем, – но почти во всех его действиях заявляет о себе гордыня; и гордость часто бывает его единственным советчиком. Она, в его понимании, в большей степени добродетель, чем какое-либо иное качество. Но никто из нас не лишен слабостей, и его поведением по отношению ко мне порой управляли более сильные чувства, чем гордость.

– Может ли такая извращенная гордость, как его, когда-либо принести ему пользу?

– О, да. Она часто заставляла его быть отзывчивым и великодушным, щедро жертвовать деньги, проявлять гостеприимство, поддерживать арендаторов и помогать бедным. Семейная

и сыновняя гордость (ибо он очень гордится тем, каким был его отец) заставляли его так поступать. Не уронить честь своей семьи, не утратить славу носителя высших добродетелей или не ослабить влияние рода Пемберли – вот что движет им. В нем также есть гордость старшего брата, которая вместе с некоторой братской привязанностью к своей сестре делает его очень чутким и заботливым ее опекуном – у него репутация самого внимательного и любящего из братьев.

– Что за девушка мисс Дарси?

Он покачал головой.

– Мне хотелось бы назвать ее любезной. Мне больно отзываться дурно о членах семьи Дарси. Но она слишком похожа на своего брата – чрезмерно горда. В детстве она была ласковой и доброй, и была очень привязана ко мне; я проводил часы, развлекая ее. Но теперь она для меня не существует. Это красивая девушка лет пятнадцати-шестнадцати и, как я предполагаю, весьма образованная. После смерти отца она поселилась в Лондоне, где за ней присматривает некая дама, которая к тому же занимается ее образованием.

После нескольких попыток заговорить на другие темы и перерывов на игру Элизабет не могла не вернуться еще раз к самой первой теме:

– Меня удивляет его близость с мистером Бингли. Как может мистер Бингли, который сам по себе кажется мне добросердечным и по-настоящему любезным, дружить с подобным человеком? Что у них может быть общего? Вы знаете мистера Бингли?

– Нет, мы не знакомы.

– Это добродушный, приветливый, обаятельный человек. Он не может знать, каков на самом деле мистер Дарси.

– Возможно это и так – мистер Дарси умеет нравиться, когда ему это необходимо. У него достаточно способностей для этого. Он может быть незаменимым партнером, если посчитает, что это ему выгодно. Среди равных себе он совсем не таков, каким предстает перед людьми более низкого положения. Его гордость никогда не оставляет его, но с богатыми он великодушен, беспристрастен, чистосердечен, разумен, благороден и, возможно, даже приятен, в зависимости от их богатства и положения.

Вскоре после этого партия за карточным столом завершилась, игроки переместились к столу, за которым располагались дамы, и мистер Коллинз занял место между своей кузиной Элизабет и миссис Филлипс. Последняя, как это принято, стала расспрашивать насколько успешной была для него игра. Игра сложилась не слишком удачно – он проигрался вчистую, но когда миссис Филлипс выразила беспокойство по поводу его возможного огорчения этим, он с серьезным видом заверил ее, что проигрыш не имеет ни малейшего значения, что он считает деньги просто пустяком, и умолял ее не беспокоиться.

– Мне прекрасно известно, мадам, – пустился он в рассуждения, – что, когда люди садятся за карточный стол, им приходится подвергаться риску лишиться чего-нибудь, но, к счастью, сам я не в таких обстоятельствах, чтобы придавать значение утрате пяти шиллингов. Несомненно, далеко не все могли бы сказать то же самое, но благодаря леди Кэтрин де Бург я освободился от необходимости заботиться о таких мелочах.

Речь эта привлекла внимание мистера Уикхема, и, понаблюдав некоторое время за мистером Коллинзом, он вполголоса спросил Элизабет, насколько близко ее родственник знаком с семьей де Бург.

– Леди Кэтрин де Бург, – ответила та, – совсем недавно предоставила ему приход. Мне не известно, как и когда мистер Коллинз попал в поле ее зрения, но, определенно, их знакомство произошло совсем недавно.

– Вы, конечно, знаете, что леди Кэтрин де Бург и леди Энн Дарси были сестрами; следовательно, она тетя нынешнего мистера Дарси.

– Вот как, я этого не знала. Я вообще ничего не знаю о родственных связях и окружении леди Кэтрин. Еще пару дней назад я даже не слышала о ее существовании.

– Ее дочь, мисс де Бург, получит очень большое наследство, и полагают, что она и ее кузен объединят два состояния.

Эта новость заставила Элизабет улыбнуться, ибо она подумала о бедной мисс Бингли. Напрасными, должно быть, были все ее хлопоты, тщетны и бесполезны ее восторги по поводу его сестры и славословие в его адрес, коли он уже предназначен другой.

– Мистер Коллинз, – сказала Элизабет, – в самых высоких выражениях отзывается и о леди Кэтрин, и о ее дочери; но, судя по некоторым подробностям, которые он сообщил о ее светлости, я подозреваю, что испытываемая благодарностью ослепляет его, и что, несмотря на то, что ему она добросердечная покровительница, с остальными она высокомерна и тщеславна.

– Я полагаю, что она в значительной степени и то, и другое, – согласился Уикхем. – Я не видел ее много лет, но прекрасно помню, что она мне никогда не нравилась и что манеры ее были властными и пренебрежительными. Она имеет репутацию необычайно рассудительной и умной женщины; но я скорее верю, что часть ее репутации обеспечивают положение и богатство, часть – властные манеры, а оставшуюся часть – гордость за своего племянника, который заботится о том, чтобы все, кто с ним связан, имели самое высокое реноме.

Элизабет признала, что он объяснил все очень разумным образом, и они продолжали беседовать к обоюдному удовлетворению, пока предложенный ужин не положил конец развлечениям и не одарил остальных дам долей внимания мистера Уикхема. Шум за ужином у миссис Филлипс не способствовал серьезным разговорам, но его манеры пришлись по вкусу всем. Что бы он ни сказал, было сказано хорошо, и все, что он делал, делалось элегантно. Элизабет покинула дом тетушки, будучи полной мыслей о нем. По дороге домой она не была способна думать ни о чем, кроме мистера Уикхема, и о том, что он рассказал ей, но у нее не было возможности даже упомянуть его имя, пока они ехали, потому что ни Лидия, ни мистер Коллинз не давали никому слова сказать. Лидия беспрестанно говорила о прошедшей игре, о фишках, которые она проиграла, и о фишках, которые она выиграла, а мистер Коллинз, в возвышенных выражениях описывал гостеприимство мистера и миссис Филлипс, отмечая, что он ни в малейшей степени не сожалеет о своем проигрыше в вист, перечислял все блюда, поданные за ужином, при этом постоянно выражая опасения, что он доставляет неудобства своим кузинам, но смог, тем не менее, сказать больше чем можно было бы успеть до того, как карета достигла Лонгборн-хаус.

Глава 17

На следующий день Элизабет рассказала сестре о разговоре, который произошел между ней и мистером Уикхемом. Джейн слушала с удивлением и беспокойством, она не могла поверить, что мистер Дарси может быть настолько недостойн доброго отношения мистера Бингли, и все же не в ее характере было подвергать сомнению правдивость молодого человека такой приятной наружности, как Уикхем. Реальность предположения, что он стал жертвой невыносимой жестокости, была достаточным основанием, чтобы сильно подействовать на ее нежные чувства, и поэтому ей ничего не оставалось, только думать хорошо о них обоих, оправдывать поведение каждого и относить на счет случайности или ошибки то, что нельзя было объяснить иначе.

– Они оба, – решила она, – были обмануты, осмелюсь сказать, тем или иным способом, о котором мы не можем иметь ни малейшего представления. Недобросовестные люди, возможно, представили их друг другу в ложном свете. Проще говоря, у нас нет возможности вообразить причины или обстоятельства, которые могли их отвратить друг от друга, не признав какой-либо вины с каждой из сторон.

– И в самом деле, просто замечательно! А теперь, моя дорогая Джейн, что ты можешь сказать о тех самых недобросовестных людях, которые, как ты предполагаешь, имели отношение к этому делу? Найди уж оправдание и для них, иначе нам придется о ком-то думать плохо.

– Смейся сколько хочешь, но, по моему мнению, ты все же не станешь делать этого. Моя дорогая Лиззи, подумай только, в каком постыдном свете выставляет себя мистер Дарси, обращаясь таким образом с любимцем своего отца, с человеком, о котором его отец обещал заботиться. Такое просто невозможно. Ни один человек с самым неразвитым человеколюбием, ни один человек, который хоть сколько-нибудь уважает свой характер, не был бы способен на такое. Могут ли его самые близкие друзья так сильно обманываться в нем? Нет, никогда!

– Мне гораздо легче поверить в то, что мистера Бингли ввели в заблуждение, чем в то, что мистер Уикхем выдумал историю, которую он рассказал мне вчера вечером: имена, факты, все упомянутое без утайки. Если это не так, пусть мистер Дарси опровергнет все. Кроме того, по глазам Уикхема было видно, что говорит он правду.

– Это действительно неприятно, это обескураживает. Не знаешь, что и подумать.

– Прости, но никто не сомневается в том, как это понимать.

Но Джейн было ясно одно: мистеру Бингли, если его обманули, и дело станет достоянием общества, это причинило бы немалые страдания.

Прогулка молодых дам по аллее, где проходил этот разговор, была прервана появлением тех самых лиц, о которых они говорили. Мистер Бингли и его сестры приехали, чтобы лично пригласить их на долгожданный бал в Незерфилде, назначенный на следующий вторник. Обе дамы были рады снова увидеть свою дорогую подругу, сетовали на долгое время, прошедшее с тех пор, как они виделись в последний раз, и настойчиво выясняли, чем она была занята после их расставания. Остальным членам семьи они уделили мало внимания – избегали миссис Беннет, насколько это было возможно, не завязывали разговор с Элизабет и не сказали ни слова всем остальным. Вскоре они отбыли, поднявшись со своих мест с такой решительностью, что застали своего брата врасплох, и поспешили покинуть дом, словно желая избежать любезностей миссис Беннет.

Предвкушение бала в Незерфилде было чрезвычайно приятно каждой женщине в семье. Миссис Беннет предпочла считать это авансом своей старшей дочери и была особенно польщена, получив приглашение от мистера Бингли лично вместо обычной карточки. Джейн представила себе счастливый вечер в обществе двух своих подруг, окруженной вниманием их брата, а Элизабет с удовольствием представляла себе, как много будет танцевать с мисте-

ром Уикхемом, и найдет подтверждение всему, что стало ей известно о мистере Дарси – в его взгляде, в его поведении. Счастье, которого ожидали Кэтрин и Лидия, вовсе не зависело от какого-то отдельного события или какого-то конкретного человека, поскольку, хотя каждая из них, как и Элизабет, собиралась танцевать половину вечера с мистером Уикхемом, он ни в коем случае не должен был оказаться единственным джентльменом, который претендовал бы на танец с ними. А бал, как не посмотри, это бал! И даже Мэри нашла слова и заверила свою семью, что она совсем не против такого времяпрепровождения.

– Даже в таком случае я могу посвятить утро своим занятиям, – объяснила она, – этого уже достаточно. Я думаю, что время от времени участвовать в вечерних собраниях – это не жертва. И хотя общество накладывает каждодневные обязанности на каждого из нас, я принадлежу к числу тех, кто считает перерывы на отдых и развлечения желательными для всех.

Настроение Элизабет было настолько приподнятым все это время, что, несмотря на старание не встречаться с мистером Коллинзом без необходимости, она не могла не спросить его, намерен ли он принять приглашение мистера Бингли, а если да, то считает ли он богоугодным присоединиться к подобному вечернему развлечению; и она была весьма удивлена, узнав, что он не испытывает никаких сомнений по этому поводу и не опасается заслужить упреки со стороны архиепископа или леди Кэтрин де Бург, отважившись принять участие в танцах.

– Уверю вас, я далек от того – ответил он, – чтобы считать, что бал, который дает молодой человек с незапятнанной репутацией для людей достойных, может иметь низкий замысел; и я бесконечно далек от возражений против подобных развлечений и надеюсь, что в течение вечера каждая из моих прекрасных кузин подарит мне танец, к тому же я воспользуюсь этой возможностью и обращусь к вам, мисс Элизабет, с просьбой об особой привилегии – двух первых танцах, и уверен, что моя кузина Джейн отнесется к этому с пониманием и ни в коем случае не сочтет неуважением к ней.

Элизабет почувствовала, что оказалась в ловушке. Она была уверена, что на эти самые танцы ее пригласит мистер Уикхэм, а вместо этого получила в партнеры мистера Коллинза! Ее разговорчивость никогда не была менее своевременной. Однако сожалеть было поздно. Счастье мистера Уикхэма и ее собственное приходилось отложить на некоторое время, и предложение мистера Коллинза было принято с той любезностью, на которую Элизабет была еще способна. Она была не в восторге от его неуместной галантности, поскольку рассчитывала на кое-что поинтереснее. Однако ее несказанно удивило, что именно она была выбрана среди своих сестер достойной стать хозяйкой пасторского дома прихода Хансфорд и заполнять вакансии в кадрили в Розингсе в отсутствие более достойных гостей. Догадка ее превратилась в убеждение, когда она заметила растущую любезность мистера Коллинза по отношению к ней и обратила внимание на его повторяющиеся попытки делать комплименты ее остроумию и живости; и хотя она была больше озадачена, чем рада такому действию своих чар, вскоре мать дала ей понять, что возможность их брака чрезвычайно обрадовала ее. Элизабет, однако, не захотела принять эту игру, прекрасно понимая, что любые ее ответные действия приведут к ненужному напряжению в семье. Мистер Коллинз мог так никогда и не сделать предложения, а пока он этого не сделал, ссориться из-за него было бессмысленно.

Если бы не бал в Незерфилде, к которому нужно было серьезно готовиться и который давал множество поводов для разговоров, младшие барышни Беннет находились бы все это время в весьма незавидном положении, поскольку со дня приглашения и до самого дня бала погода стояла слякотная, что удерживало их дома и мешало посетить Меритон. Ни тетушку навестить, ни офицеров встретить, ни новости узнать было невозможно – даже розочки для бальных туфелек были доставлены посылным. Для Элизабет погода стала испытанием терпению, так как полностью приостановила ее общение с мистером Уикхемом. И только предвкушение танцев во вторник, могло сделать такие сумрачные пятницу, субботу, воскресенье и понедельник терпимыми для Китти и Лидии.

Глава 18

До того часа, пока Элизабет не вошла в гостиную Незерфилда и не начала искать взглядом мистера Уикхема среди собравшихся там красных мундиров, в ее голову ни разу не закрадось сомнение в том, будет ли он на балу. Уверенность во встрече с ним не ставилась под сомнение ни одним из тех ощущений, которые небезосновательно должны были бы встревожить ее. Она оделась с большей продуманностью чем обычно и в приподнятом настроении приготовилась покорить все, что осталось непокоренным в его сердце, и полагая, что это не больше, чем можно было бы рассчитывать покорить за один вечер. Но неожиданно возникло ужасное подозрение, что ради удовольствия мистера Дарси его намеренно не упомянули в приглашении, направленном Бингли офицерам. И хотя это, возможно, было совсем не так, несомненный факт его отсутствия был подтвержден его другом Денни, к которому Лидия обратилась без церемоний и который сообщил им, что Уикхем накануне был вынужден уехать в столицу по делам и не успел вернуться, добавив с многозначительной улыбкой:

– Я не думаю, что дела призвали бы его именно сейчас, если бы он не хотел избежать встречи с неким джентльменом.

Эта часть сообщения, пропущенная мимо ушей Лидией, была услышана и понята Элизабет, и, поскольку она подтверждала, что с Дарси это не снимает ответственности за отсутствие Уикхема, как и в случае воображаемого ею ранее отсутствия приглашения, чувство неприязни по отношению к этому джентльмену было настолько обострено вспыхнувшим разочарованием, что она не смогла со сносной вежливостью ответить на вежливые вопросы, с которыми он, приблизившись, обратился к ней. Доброжелательность, снисходительность и терпение по отношению к Дарси оборачивались унижением достоинства Уикхэма. Любой разговор с ним казался ей невозможным, и она отвернулась, не сумев скрыть своего негодования. Ей не удалось полностью преодолеть этого чувства даже в разговоре с мистером Бингли, слепая привязанность которого ее раздражала.

Но Элизабет не была создана для грусти и уныния, и хотя все ее собственные ожидания от сегодняшнего вечера рушились, это не могло долго сказываться на ее настроении. Поделившись своими горестями с Шарлоттой Лукас, которую не видела целую неделю, она быстро перешла к описанию чудачеств своего кузена и посоветовала той обратить на него особое внимание. Однако уже первые два танца стали сплошной катастрофой – они заставили ее испытать чувство безмерного унижения. Мистер Коллинз, неловкий, но при этом крайне торжественный, постоянно извиняющийся вместо того, чтобы хотя бы просто следовать движениям партнерши, и раз за разом делавший все невпопад, даже не замечая этого, заставлял ее в полной мере испытывать те острые чувства стыда и унижения, которые может доставить неумелый партнер по танцам. Момент освобождения от него подарил ей неопишное блаженство.

Затем ее пригласил один из офицеров, и она получила удовольствие от разговоров об Уикхеме и от того, что он пришелся всем по душе. Когда и этот танец закончился, она вернулась к Шарлотте Лукас и продолжила разговор с ней. Совершенно неожиданно она обнаружила, что к ней обращается мистер Дарси с просьбой подарить ему следующий танец; это стало для нее такой неожиданностью, что, она, не отдавая себе отчет в том, что делает, приняла приглашение. Он тут же удалился, и ей пришлось преодолевать раздражение из-за собственной растерянности. Шарлотта попыталась ее утешить:

– Осмелюсь предположить, что он тебе понравится.

– Боже упаси! Это было бы величайшим из несчастий! Найти приятным человека, которого имеешь все основания ненавидеть! Не желай мне такого несчастья.

Однако, когда Дарси вновь приблизился, чтобы повести ее в зал, Шарлотта не могла удержаться и стала шепотом предостерегать ее от того, чтобы она не наделала глупостей, позволив

увлечению Уикхемом выставить себя малоприятной партнершей в глазах мужчины куда более значительного. Элизабет промолчала и направилась к своему месту в ряду дам, готовых начать танец. Она испытывала изумление от высот, которых достигла в мнении местного общества, всего лишь расположившись напротив мистера Дарси, и прочитала не меньшее изумление в обращенных на нее взглядах соседней. Зазвучала музыка, и некоторое время они танцевали, не произнося ни слова. Она вообразила, что их молчание продлится в течение обеих частей танца, и поначалу решила не нарушать его, пока неожиданно ей не пришла в голову коварная мысль, что для ее партнера было бы большим наказанием поддерживать беседу с ней, и тогда она сделала ничего не значащее замечание по поводу танца. Он ответил, но не поддержал разговор. Выдержав продолжительную паузу, она вновь обратилась к нему: – Теперь ваша очередь сказать что-нибудь, мистер Дарси. Поскольку я уже затронула тему танцев, вы могли бы сделать какое-нибудь замечание по поводу размера залы или количества танцующих пар.

Он улыбнулся и заверил ее, что все, что она пожелает, им непременно будет сказано.

– Превосходно. На данный момент такого ответа будет достаточно. Возможно, спустя некоторое время, я замечу, что частные балы гораздо более приятны, чем публичные. Но теперь мы можем спокойно помолчать.

– Значит, вы следуете определенным правилам ведения беседы во время танца?

– Иногда. Знаете ли, следует как-то поддерживать разговор. Было бы странно провести вместе полчаса, не обменявшись и парой слов; и все же для пользы отдельных персон разговор должен быть построен так, чтобы не просто было ограничить его несколькими фразами.

– В данном случае вы имеете в виду свои собственные чувства или воображаете, что доставляете радость мне?

– И то, и другое, – не без лукавства ответила Элизабет, – ибо я всегда находила большое сходство в образе наших мыслей. Каждый из нас не слишком общителен, немногословен и не стремится высказаться, если только не рассчитывает преподнести нечто такое, что поразит все общество и будет передано потомкам в форме нравоучительного афоризма.

– Я уверен, что не существует столь поражающего сходства наших характеров, – возразил он. – Но насколько ваше описание близко к моему характеру, я судить не берусь. Вы же, несомненно, полагаете, что это точный портрет.

– Я не должна давать оценки своим собственным высказываниям.

Он ничего не ответил, и они снова умолкли и хранили молчание, пока не началась вторая часть танца, и тогда он спросил ее, часто ли она с сестрами прогуливается пешком до Меритона. Она ответила утвердительно и, не устояв перед искушением, добавила: – Когда мы встретились там на днях, у нас как раз завязалось новое знакомство.

Реакция последовала незамедлительно. Ярко выраженное высокомерие исказило черты его лица, но он не промолвил ни слова, и Элизабет, сразу же пожалевшая о собственной слабости, не смогла продолжать. Наконец Дарси нарушил затянувшееся молчание и с заметным напряжением произнес: – Уикхем наделен счастливым характером, который помогает ему легко заводить друзей – но вот в чем вопрос: способен ли он долго сохранять их.

– Ему не повезло, и вашу дружбу он потерял, – с особым выражением сказала Элизабет, – и вследствие этого он, вероятно, будет страдать всю свою жизнь.

Дарси ничего не ответил и, казалось, захотел сменить тему. В этот момент рядом с ними появился сэр Уильям Лукас, намеревавшийся пройти в другой конец комнаты, минуя ряды танцующих, но, заметив мистера Дарси, он остановился, поклонившись с исключительной учтивостью, чтобы воздать должное его танцу и его партнерше.

– Я получил истинное удовольствие, мой дорогой мистер Дарси. Не часто увидишь столь совершенный танец. Видно, что вы вращаетесь в высших кругах. Позвольте мне, однако, заметить, что ваша прекрасная партнерша не уступает вам и я надеюсь, что это очарование будет повторяться и впредь, особенно когда произойдет некое желанное событие, моя доро-

гая Элиза, – и он многозначительно посмотрел на ее сестру и Бингли. – Как рады мы будем высказать свои поздравления! Мистер Дарси, приношу свои извинения за прерванный танец. Надеюсь, вы не осудите меня за то, что я отвлек вас от увлекательной беседы с барышней, чьи сияющие глаза тоже выражают мне свое неудовольствие.

Последнюю часть этого обращения Дарси почти не услышал, но намек сэра Уильяма на своего друга, казалось, поразил его, и он с пристальным вниманием стал рассматривать Бингли и Джейн, которые танцевали в паре. Однако вскоре, вспомнив о танце, он повернулся к своей партнерше и сказал: – Вмешательство сэра Уильяма заставило меня забыть, о чем мы беседовали.

– Я не думаю, что мы вообще беседовали. Сэр Уильям не смог бы прервать разговор двух людей, которым нечего было сказать друг другу. Мы уже затронули две или три темы, но безуспешно, и о чем нам говорить дальше, я не могу себе представить.

– А что вы думаете о книгах? – спросил он с улыбкой.

– Книги – о, нет! Я уверена, что мы никогда не читаем одни и те же книги, или же, читая их, испытываем совершенно разные чувства.

– Мне жаль, что вы так думаете, но даже если это и справедливо, то возможно и нет необходимости подыскивать тему. Мы можем сравнить наши столь отличающиеся мнения о них.

– Увы, я не могу говорить о книгах в бальном зале, здесь моя голова всегда занята чем-нибудь другим.

– Неужели в подобных обстоятельствах сиюминутное всегда занимает вас более всего? – усомнился он.

– Без сомнения, – ответила она, сама не понимая, что говорит, ибо мысли ее были далеки от предмета разговора, что и подтвердил ее неожиданный вопрос. – Припоминаю, вы сказали, мистер Дарси, что никогда бы не простили нанесенное вам оскорбление, и что однажды возникшее чувство обиды никогда не угаснет в вас. Полагаю, вы проявляете особую осмотрительность, чтобы избежать беспричинного возникновения столь сильного чувства.

– Именно так я и поступаю, – решительно заявил он.

– И никогда не позволяете себе быть ослепленным предубеждениями?

– Надеюсь, нет.

– Особенно важно, чтобы те, кто никогда не отступает от своего мнения, были уверены в том, что способны судить правильно.

– Могу ли я спросить, какова цель всех этих вопросов?

– Просто для прояснения вашего характера, – ответила она, пытаясь сделать их разговор менее серьезным. – Я пытаюсь понять его.

– И вам это удастся?

Она отрицательно покачала головой.

– Никак не получается. Я слышу настолько разные отзывы о вас, что это ставит меня в тупик.

– Легко могу поверить, – остался он серьезен, – что мнения обо мне могут сильно различаться, но мне бы хотелось, мисс Беннет, чтобы вы не спешили составлять свое окончательное представление о моем характере прямо сейчас, поскольку есть основания опасаться, что результат не удовлетворит ни вас, ни меня, да и вообще никого.

– Но если я не преуспею сейчас, у меня может никогда не появиться другой возможности.

– Я ни в коем случае не стану препятствовать вашим развлечениям, – холодно ответил он. Она больше ничего не сказала, и, дождавшись окончания танца, они разошлись так и не заговорив более. Обе стороны остались недовольны, хотя и не в одинаковой степени, ибо в сердце Дарси уже поселилось довольно сильное чувство к ней, которое очень быстро обеспечило ей прощение, направив все его раздражение на другого.

Не успели они расстаться, как к ней приблизилась мисс Бингли и с выражением вежливой надменности обратилась к ней:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.